

ЦЕРБЕР-ХРАНИТЕЛЬ

A digital illustration featuring a woman with light skin, freckles, and blue hair pulled back, looking slightly to the right. She is wearing a dark grey t-shirt. To her left is a large black dog with glowing red eyes and a metal collar. The background is a dark, moody greenish-grey with some faint, glowing particles.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

Татьяна Владимировна Корсакова

Цербер-Хранитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68872803

Цербер-хранитель:

Аннотация

В век Интернета наивно верить в существование вампиров. Особенно, если ты молод. Особенно, если ты врач и человек науки.

Гремучая лощина больше не пугает своих обитателей ни странным шепотом, ни восставшими мертвецами. А усадьба Гремучий ручей после долгого забвения гостеприимно распахивает свои ворота всем, кто жаждет молодости и красоты. Страхи забыты, жизнь бьет ключом.

Но древнее зло не сгнуло, а всего лишь затаилось, дожидаясь, когда в Гремучей лощине соберутся потомки тех, с кем у него давние счеты. И тогда тем, кто верит в торжество науки, придется поверить в невероятное. Потому что голос крови не заглушить. Потому что пришло их время бороться с тьмой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	73
Глава 7	81
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Татьяна Корсакова

Цербер-хранитель

Глава 1

Сумерки накатывали на дорогу сизыми волнами. Пока еще волны эти были подсвечены пурпуром заходящего солнца, но очень скоро тьма возьмет власть над миром. Власть не долгую, но все равно пугающую. Большинство людей боятся тьмы, но Харон никогда не относил себя к большинству. Он любил и ночь, и вот этот хрупкий момент умирания уже отжившего свое дня. Работать в ночную смену он тоже любил. Впрочем, как и саму свою работу. Но эти сумерки омрачило нечто непривычно-неправильное. Харон не сразу понял, что не так. Ему всегда было тяжело перестраиваться, успевать за текучестью и суетливостью жизни. Но это неправильное было не из жизни. Харон почувствовал это кончиками пальцев, нервными окончаниями, натренированными познавать мир не только на свету, но и в темноте. Это неправильное выплеснулось под колеса его автомобиля вместе с сумерками. Или вместо сумерек? Оно клубилось над придорожным кустарником черным, то и дело меняющим свои очертания облаком. И воздух пах не так, как должен был пахнуть в преддверии ночи. Не остывающим после дневного жара асфальтом,

не дорожной пылью, не лесом. Пахло гарью, чем-то удушливо-химическим.

Харон бы проехал мимо, просто поднял бы боковое стекло, надежно закупоривая салон авто. Он бы даже не стал выяснять, из чего соткано то бесформенное облако, если бы в самый последний момент, когда рука уже потянулась к кнопке стеклоподъемника, не учуял еще кое-что...

К химическому запаху гари примешивался еще один неуместный для этого места и этого времени запах. Пахло свежей кровью...

Харон тяжело вздохнул и направил автомобиль к обочине. Заглушая мотор, он уже отчетливо понимал, что было бы разумнее и рациональнее просто проехать мимо, но он никогда не отменял ни однажды принятых решений, ни однажды взятых на себе обязательств. Он просто посмотрит. Для начала посмотрит, а уж потом решит, как действовать дальше. И стоит ли вообще действовать.

Вне уютного автомобильного салона запахи усилились многократно: и едкий химический, и сладкий кровяной. Животное? Кто-то сбил на этой лесной дороге животное. Ничего удивительного: дорога старая и после открытия новой развязки не особо торная. Пользовались ею только местные, да и то лишь те, чей транспорт обладал достаточной проходимостью. Рыбаки, охотники да вот он – Харон. Ну, и еще кое-кто из молодежи, этих байкеров без мозгов и глушителей. Байкеров Харон не любил. За суетность и шумную су-

мятицу, которую они вносили в размеренную ночную жизнь. Он вообще не любил шум и сумятицу, ему нравились тишина и предсказуемость.

Сегодня вечером с размеренностью вышел прокол. Прежде чем спуститься вниз по склону оврага, Харон осмотрел дорогу. Не то чтобы он был великим следопытом, но очевидное мог разглядеть. А очевидное оставило на старом асфальте след стремительного торможения. Или стремительного ускорения. Это уже не его ума дело. А его ума дело – вот эта лужа с уже подсохшей, свернувшейся кровью. Харон жадно втянул носом воздух, прикрыл глаза.

Кровь человеческая, в этом не было никаких сомнений. За годы жизни и работы он научился различать нюансы того, от чего простого смертного мгновенно начинало мутить.

И копошащееся над зарослями кустарников облако – не просто гнус, как подумалось сначала. Это летучие мыши, ночные твари, по какой-то удивительной прихоти сбившиеся в стаю. К летучим мышам Харон испытывал необъяснимую симпатию, куда большую, чем к птицам. Пожалуй, из птиц он с определенной долей уважение относился лишь к воронам, и несколько не удивился бы, если бы над землей кружили именно они. Вороны – падальщики, они всегда там, где оставила свой след смерть. А она оставила. Кровавая лужа – наилучшее тому доказательство. Остается узнать, ушла ли смерть на сей раз с добычей. Ведь бывает по-разному. Ему ли не знать?

Харон задумчиво повертел в руках свою трость с серебряным набалдашником в виде черепа. Ничего особенного – просто дань имиджу, как сказал бы Мирон. Харон никогда не пытался Мирона переубедить. Он вообще не считал нужным вступать в дебаты с живыми. Он и в диалоги-то вступал крайне неохотно, большей частью по велению долга, а не сердца. Но с Мироном все получилось по-другому. Харон винил в этом только себя – свое однажды принятое решение, а потому смиренно терпел и выходки, и колкости мальчишки.

Пиджак, сшитый у лучшего портного из дорогого английского сукна, он предварительно снял и аккуратно положил на пассажирское сидение. Не хотелось испортить хорошую вещь. Туфли тоже было жалко, но спускаться на дно оврага босиком не хотелось.

Спускался осторожно, раздвигая разлапистые ветки тростью, зорко всматриваясь в уже почти полновластную темноту. В темноте Харон видел хорошо, куда лучше остальных людей. И слух имел отличный. Что уж говорить про нюх? Вот таким уникальным он уродился много-много лет назад.

А запахи становились все сильнее и сильнее. И сладкий кровавой и душный химический. Теперь уже совершенно отчетливо воняло горелым пластиком и краской. Кровью пахло слева, а гарью справа. Харон замер на долю секунды, а потом свернул влево.

Облако из летучих мышей не просто клубилось в небе.

Словно невидимой пуповиной оно было привязано к лежащему на земле телу. Харон махнул тростью, летучие мыши с возмущенным писком взмыли вверх, но далеко не улетели. Кружили над головой, примерялись, как бы побыстрее да половчее вернуться обратно. Харон еще несколько раз махнул тростью, отгоняя самых настырных, самых смелых, и шагнул вперед.

Он не сразу понял, кто перед ним. Человек лежал на спине, раскинув руки, неестественно запрокинув голову к небу. Харон посмотрел на лицо, едва различимое в темноте, залитое запекшейся кровью, присел перед человеком и принюхался. К сладкому кровяному духу примешивались едва уловимый цветочный аромат и едкая алкогольная вонь. Виски, пиво, вино...

Прежде, чем проверить пульс, Харон провел пальцами по этому залитому кровью лицу. Высокий лоб, хмурая складочка между бровями, крошечный шрам на левой брови, запекшиеся и удлинившиеся от крови, словно от туши, ресницы, высокие скулы, острый нос, крепко сжатые челюсти, мягкие губы, упрямый подбородок, длинная шея, в яремной ямке – алая лужица, но раны на шее нет. На шее нет, а на голове? Харон запустил пальцы под спутанные, липкие волосы, ощупал затылок. Красивый череп, удивительно правильной формы. Был бы правильной, если бы не кровоточащая вмятина на правой теменной кости.

Пульс можно было не проверять, женщина – а это без вся-

ких сомнений женщина, – была жива. Пока еще жива. Жизнь ее не продлится долго, Харон не сомневался в этом ни секунды.

Жаль. Такая прекрасная фактура. Такой идеальный череп. Лицо под кровавой маской едва различимо, но Харон привык доверять своим пальцам.

У художников и фотографов есть понятие уходящего света. Когда непременно нужно поймать правильный свет, поймать, пленить на холсте или на фотопленке. У некоторых, особо ушлых, даже получается заключить свет в цифровую ловушку. Харон понимал, что чувствует художник, когда прекрасный правильный свет вот-вот уйдет. Досада. Разочарование. Иногда даже физическая боль. Он тоже считал себя художником. В каком-то роде. И его свет тоже уходил прямо сейчас – оставались часы, если не минуты. И действовать нужно быстро.

Белоснежную сорочку Харон заляпал кровью в тот самый момент, как поднял женщину с земли. К черту сорочку! Лишь бы не упустить свет!

Но портить салон своего авто он не стал, как можно аккуратнее, как очень дорогую, но безнадежно поломанную куклу, положил женщину на дорогу. Расстелил на полу салона пахнувший дезсредствами брезент, переложил на него тело, завернул, оставляя на поверхности лишь лицо. Если ему повезет, она не задохнется, не захлебнется рвотой или кровью в пути. Если ему повезет, он поймает свой свет. Просто нужно

действовать решительно и быстро. Жаль, что нет времени, чтобы посмотреть, что же там сгорело в лесу. Впрочем, не жаль. Его никогда не интересовали технические механизмы. Ему вполне хватало биологических.

Автомобиль Харон старался вести быстро, но аккуратно, объезжая многочисленные ямы и рытвины, притормаживая на развилках, соблюдая все правила дорожного движения. Он всегда придерживался правил. Особенно тех, что устанавливал сам. Но и с правилами, принятыми в социуме, старался считаться. Так было проще, так было удобнее.

Контора стояла на окраине города. Мрачный двухэтажный особняк со строгими дорическими колоннами, тяжелым фронтоном и мраморной статуей женщины на входе. Обыватели видели в ней полуобнаженную греческую красотку, дорогой новодел, этакое заигрывание со стилем и декором. Правду знали единицы. Вход в Контору охраняла прекрасная Персефона, владычица преисподней. Ленивым взглядом изпод тяжелых век она следила за всеми, кто переступал порог конторы. За живыми, за мертвыми, за пока еще живыми...

Со всеми теми же предосторожностями Харон вытащил свою случайную добычу из салона. Прямо брезентовым кулем и вытащил. Или лучше думать, не кулем, а куколкой, из которой очень скоро может родиться прекрасная бабочка сбросившей бранные оковы души. Душу встретит Персефона, а он позаботится о теле. Но сначала постарается поймать свет.

Проходя мимо Персефоны, Харон привычно замедлил шаг, поклонился. В его поклоне не было ни раболепия, ни страха, ни обожания – обычное приветствие старых знакомых, занятых, по сути, одним и тем же делом. Персефона привычно проводила его пристальным взглядом, от которого заудело между лопаток, и, кутаясь в ночь, как в шелка, исчезла из виду.

Контора встретила Харона лишь гулким эхом его тяжелых шагов. По ночам он работал один, отпускал всех сотрудников, чтобы не мешали и не отвлекали. По ночам ему хотелось остаться один на один с тем божеством, которому он верой и правдой служил много лет. Прижимая к себе уже пропитавшийся кровью брезентовый куль, Харон включил свет, быстрым шагом направился по строгой анфиладе залов в техническое крыло – так эту часть особняка называли остальные сотрудники. Так им было легче, а самому Харону было все равно.

Техническое крыло охранялось максимально надежно. Не от грабителей и разбойников, а от любопытствующих зевак. Чтобы попасть сюда, нужно было воспользоваться картой-пропуском. Как в банке, шутил по этому поводу Мирон. Он вообще любил пошутить над тем, что нуждалось лишь в тишине и покое. Харона это раздражало, но не настолько, чтобы запретить Мирону приходить в контору. Кстати, и конторой назвал это место именно Мирон. Снова упростил и опростил, низвел до обычного человеческого уровня. А пер-

сонал тут же подхватил это дурацкое словечко. Да что там персонал! Сам Харон не раз ловил себя на том, что мысленно называет особняк конторой.

В коридоре технического крыла свет включался от датчиков движения. Очень удобно, когда твои руки заняты пропитавшимся кровью брезентовым свертком. Отличное техническое решение для технического крыла.

Прозекторская, святая святых этого места, была заперта уже на самый обычный замок. Никаких ключ-карт, только олд-скул. Так бы сказал Мирон. Или уже однажды говорил? Прижимая к себе сверток, Харон порылся в кармане брюк, достал ключ, отпер дверь.

Внутри царил идеальный, строго и неукоснительно поддерживаемый порядок. Белоснежный кафель стен. Сияющий хром прозекторских столов. Хирургические лампы над столами. Застеленная белой простыней каталка. Сонно гудящая система вентиляции. Металлический шкаф с инструментами. Рабочий стол с выключенным компьютером. На этом все – ничего лишнего, ничего отвлекающего от главного.

Харон бережно, как новорожденное дитя, положил свою добычу на один из трех прозекторских столов. Остальные два тоже были пусты. Клиентов конторы никогда не оставляли на ночь в прозекторской. Харон уважал их последнее право на приватность и требовал от сотрудников точно такого же уважения.

Тело, завернутое в окровавленный брезент, выглядело в стерильной прозекторской дико и даже чужеродно. Харон покачал головой, снял с вешалки медицинский халат, постоял пару секунд в раздумьях, а затем стащил с себя испачканную кровью сорочку, аккуратно свернул и положил на самый краешек стула. Во всем должен быть порядок. Даже когда свет уходит.

Халат едко пах стиральным порошком, и Харон раздраженно подумал, что нужно будет сделать замечание Майе Петровне, отвечавшей в конторе за хозяйственную часть. В обычной больнице Майя Петровна и была бы сестрой-хозяйкой, но Харон считал контору не медицинским заведением, а храмом. Какие уж сестры-хозяйки в храме? Да и саму Майю Петровну никак нельзя было отнести к техническому персоналу. Она была образована, интеллигентна и умела держать язык за зубами. Пожалуй, выбор слишком резкой отдушки для белья, был единственным ее проколом за долгие годы службы.

Поверх халата Харон надел резиновый фартук, нарукавники и одноразовые перчатки, снял туфли, сунул ноги в удобные резиновые боты, нацепил защитный щиток для глаз, подумал мгновение и отложил щиток в сторону.

К прозекторскому столу он подходил с легким душевным трепетом. Наверное, так влюбленный спешит на свое первое свидание. Харон никогда не был влюблен, но начитанность и воображение помогали представить то, что не удавалось по-

чувствовать. Бережно и осторожно он начал разворачивать брезент. В этот момент он тревожился лишь о том, что женщина могла умереть, так и не дождавшись встречи с ним.

Не умерла. Поверхностное дыхание. Частый пульс. Левый зрачок шире правого – еще одно доказательство того, что дело плохо. И у нее, и у него. У него уходит свет, а у нее уходит жизнь.

– Все будет хорошо, – сказал Харон то ли женщине, то ли самому себе и принялся стаскивать с нее одежду. Сначала кожаную куртку. Затем узкие джинсы и черную футболку. Белье он тоже снял. В этом месте не принято стесняться наготы. Ни своей, ни чужой.

Женщина была хрупкой, ее скромным формам было далеко до форм прекрасной Персефоны. Да и не женщина лежала на холодном прозекторском столе, а девчонка лет двадцати-двадцати пяти. Да, девчонки тоже погибают в автомобильных катастрофах. Этот мир несправедлив. Впрочем, Харон никогда и не ждал от него справедливости.

Он вынул из держателя лейку душа, открыл кран, сначала с холодной водой, а потом и с горячей, проверил рукой температуру. Клиентам конторы должно быть комфортно. И плевать, что кто-то думает, что мертвым все равно. Ему, Харону, не все равно.

Первым делом он смыл кровь с головы девочки. Под запекшейся коричневой коркой оказались светлые, почти белые волосы. Рана на затылке все еще кровила, окрашивая во-

ду розовым, но не эта рана станет причиной ее неминуемой смерти, а то, что под ней, под опасно-хрупкой черепной костью. А рана... Харону ли не знать, каким обильным может быть кровотечение из мягких тканей головы. Иногда оно кажется фатальными, но это всего лишь видимость. К сожалению, не в этом конкретном случае... Приближение скорого конца Харон всегда чувствовал с поразительной точностью. И смерть, кружащую рядом с настойчивостью стервятника, он тоже чувствовал.

Как достался ему этот дар или проклятье, Харон знал доподлинно. Ощущение неминуемости чужой смерти пришло к нему после смерти собственной. Так давно это было, таким маленьким он тогда был, что позабылось почти все, кроме одной единственной картинки...

Женщина поразительной красоты, бледнолицая, темноволосяя, с запястьями тонкими и изящными, с улыбкой такой ласковой, что не страшно и умереть. Она что-то говорила маленькому Харону, тогда еще просто Ванечке, говорила и гладила по голове своей прохладной ладонью. Он не запомнил ее слова, но уже тогда решил, что именно так и должна выглядеть смерть. Мама рассказывала, что тогда он выжил чудом, водила его в церковь, ставила на колени перед образами, заставляла молиться и благодарить. Он не противился, в том юном возрасте, в котором он пребывал, любое чудо принимаешь с легкостью, почти как данность. О том, что у чуда есть обратная сторона, он начал осознавать годам

к четырнадцати. Наверное, тогда же, когда начал осознавать свою инаковость от других – и от взрослых, и от детей. Примерно тогда же он впервые почувствовал близость смерти, ее легкое касание, ее благоволение. И сейчас Харон точно знал, что лежащей на прозекторском столе девочке осталось совсем недолго, а потому следовало поторопиться.

Разумеется, он не стал спешить. Не в его правилах была бесполезная, ни к чему хорошему не приводящая суэта. Может быть смерть настолько ему благоволит, что позволит этой девочке задержаться в мире живых чуть подольше? Чтобы он успел, чтобы поймал свой свет и пополнил свою коллекцию.

В прозекторской было прохладно, оптимально для клиентов конторы. Так бы сказал Мирон. Но девочка не была клиентом, девочка зашла в контору с черного хода. Он сам ее занес. И кажется, ей было холодно, несмотря на теплую воду, которой Харон смывал кровь с ее тела.

Это было непривычно, а потому неправильно. Возможно, впервые в жизни он пошел против правил и включил кондиционер на обогрев, а не на охлаждение. А еще он принес из своего кабинета клетчатый шотландский плед и завернул в него девочку. Отмытая от крови она казалась совсем еще юной, даже более юной, чем он себе представлял. Зато Харон не ошибся в оценке пропорций и фактуры. Девочка стояла того, чтобы стать частью его коллекции. Посмертно, разумеется. Или прижизненно, если ему повезет и удастся поймать

свет...

Инструменты и материалы были всегда наготове. Харон делал все сам, не доверял никому из своих сотрудников. Да и как можно доверить обывателю создание произведения искусства? Всегда только сам, всегда только в одиночестве, всегда только под покровом ночи. Всегда только с мертвецами. Но сейчас с живой, пока еще живой. Если прекрасная Персефона будет к нему благосклонна, он поймает момент перехода души из мира живых в мир мертвых, поймает в коварные сети искусства хрупкий миг умирания. Он станет Хароном не по паспорту, он станет настоящим проводником и перевозчиком между мирами, заслужит не только благоволение смерти, но и ее уважение.

Наверное, от осознания важности предстоящей работы, руки Харона дрожали. Впервые в жизни ему пришлось настраиваться и успокаиваться. Ему, который был едва ли не спокойнее собственных клиентов.

Успокоился. Взял себя в руки. Вдохнул, выдохнул и приступил...

Во время работы с живыми существуют определенные физиологические трудности. Он знал, как их обойти, знал, что нужно сделать, чтобы все получилось. Оставалось лишь поймать тот самый момент перехода. Тяжко одновременно творить и ловить момент, но ничего не поделаешь. Он получил неожиданный подарок и не собирался от этого подарка отказываться.

Ничего не получилось.

Харон все сделал правильно. Идеальная, можно сказать, филигранная работа. Работа, выполненная с душой. Работа, призванная запечатлеть освобождение души от брэнного тела. И ничего не получилось. Работа была сделана, а момент все не наступал и не наступал. Девочка продолжала упрямо цепляться за жизнь, несмотря на то, что Харон чувствовал присутствие смерти прямо тут, в прозекторской, превращенной на эту ночь в мастерскую.

Девочка продолжала жить, а это означало, что все зря, что усилия и время потрачены напрасно. Работа испорчена, а его внутренний навигатор, похоже, сломан.

Харон отошел от стола, медленно стащил перчатки, свернул и бросил в бак с дезраствором. Потом аккуратно убрал инструменты и материалы и позволил себе то, что никогда не позволял в присутствии клиентов – закурил прямо в прозекторской. Пока курил, раздумывал, как поступить с работой. Уничтожить или сохранить жизнь этому мертворожденному ребенку, которому он едва не стал отцом. Или стал?

Харон докурил сигарету, погасил и бросил в бак с перчатками и дезраствором. Утром обязательно нужно будет все убрать до прихода персонала. Все убрать...

Девочка продолжала жить. На оцинкованный стол из раны на голове натекла уже изрядная лужа крови, а она все не сдавалась, не отпускала душу в его уже бесполезную ловушку.

Девочка жила, а смерть все кружила и кружила рядом, за-

глядывала Харону через плечо, гладила девочку по уже почти высохшим белокурым волосам, не отпускала и не забирала к себе, словно бы тоже решала, ее это дитя или не ее. А потом отступила. Харон отчетливо почувствовал этот момент ухода. В нем не было ни досады, ни злости, ни разочарования, разве только легкое недоумение сущности, давным-давно переставшей удивляться. Приняла решение или просто на время отступила? Харон не знал. Определенно он знал только одно: пришла его очередь принимать решение.

Номер Мирона был в его мобильном на быстром наборе. Мирон сам же его и установил. Харон нажал на кнопку вызова, закрыл глаза, вслушиваясь в раздражающе-громкие трели дозвона. Наконец, в трубке что-то щелкнуло, и сонный голос ворчливо сказал:

– Уж полночь близится.

– Приезжай. – Харон открыл глаза, посмотрел на завернутую в плед девочку. – Это срочно.

– Куда? – голос на том конце из ворчливого сделался встревоженным.

– В контору, – сказал Харон и поморщился.

Глава 2

Вообще-то, Харон был ночной тварью. Это он сам себя так называл, это не Мирон придумал. Но посреди ночи он никогда не звонил. Вот Мирон мог, а Харон никогда. Он жил по своим однажды раз и навсегда установленным правилам и никогда эти правила не нарушал. До сегодняшней ночи. И сиплый, как завывание ветра, голос его показался Мирону взволнованным, хотя быть такого не могло. Харон был биороботом без чувств, без эмоций, без привязанностей. Ну, почти без чувств, если уж быть до конца справедливым. К Мирону он все же испытывал какие-никакие чувства. Наверное, их даже можно было бы назвать привязанностью. Мирон понятия не имел, на какой ступени стоит в иерархии приоритетов Харона – выше его клиентов или сразу после них, но над остальными смертными. Как бы то ни было, Харон никогда не звонил ему ночью и уж тем более не приглашал в контору. Вход в контору ночью был заказан всем. Так что же заставило Харона изменить правила?

Добираться до конторы нужно было через весь город. Днем на это уходило минут сорок, но ночью доехать получилось почти в два раза быстрее. Конечно, ни Харон, неукоснительный блюститель всяких разных правил, ни уж тем более Ба такую лихость не одобрили бы, но Мирон чувствовал, что нынешний случай исключительный, и лучше бы ему по-

спешить.

Автомобиль Харона, черный хищного вида катафалк, был брошен на подъездной дорожке, прямо возле полуголой античной бабы с подозрительным, как у школьной училки, взглядом. Баба звалась Персефоной, но знали об этом единицы. Большая часть клиентов и гостей считали статую неприличной и неуместной для этой юдоли скорби. Им было невдомек, что она хозяйка той самой юдоли и есть.

Под недобрый взгляд Персефоны Мирон выбрался из салона, поежился от ночной свежести и почти бегом направился к центральному входу. Дверь в Контору была открыта. Вот вам и еще одна странность. Харон всегда запирали двери по ночам. Боялся ли он грабителей? Это вряд ли! Боялся ли всякого потустороннего? Это вдвойне сомнительно. При его-то роде занятий глупо бояться мертвецов. Можно сказать, на мертвецах зиждился весь его похоронный бизнес. А бизнес, между прочим, был весьма серьезный – в городе и районе Харон считался монополистом. Мало того, к нему приезжали клиенты из области. За эксклюзивными, так сказать, услугами. На взгляд Мирона, весьма странными и специфическими. Но кто нынче без странностей? Харон и сам был сплошной странностью, но двери всегда запирали.

Мирон вошел в гулкий, освещенный настенными бра холл и едва удержался от задорного клича: «Есть кто живой?» В стенах конторы его всегда тянуло на всякие глупости. Возможно, потому, что по роду работы он был полным антипо-

дом Харону, можно даже сказать, конкурентом.

Шаги отражались от стен гулким эхом, красный свет бра недвусмысленно намекал на inferнальность этого места, и Мирон ускорил шаг. Он знал, где искать Харона. По крайней мере, догадывался по яркому и одновременно мертвенному свету, струившемуся из окон технического крыла. Самого Харона ни в одном из белых прямоугольников окон не было видно, но это лишь потому, что в прожекторской нет окон. А где еще искать Харона на ночном дежурстве?

Уже оказавшись перед стеклянными дверьми технического крыла, Мирон вспомнил, что забыл дома ключ-карту, придется звонить Харону, чтобы открыл изнутри. Звонить не пришлось, электронный замок щелкнул в тот самый момент, когда Мирон потянулся за телефоном.

В техническом крыле и освещение было по-технически ярким, больше никакой inferнальщины, никакой преисподней. Длинный коридор вывел Мирона к гостеприимно распахнутой двери прожекторской. Мирон принюхался – пахло табачным дымом, чуждым для этого почти стерильного места. Ох, не к добру...

Оказалось, и в самом деле не к добру. Сначала Мирон увидел понуро сидящего на белом вращающемся стульчике Харона, потом аккуратно – ну как же иначе! – свернутую рубашку на краю второго стула. Рубашка была в пятнах крови. А потом он увидел зачем-то завернутую в клетчатый плед покойницу. Девушка была молода. При жизни она, веро-

ятно, была хороша собой, потому что даже мертвая вызывала определенный интерес. Или причина в искусно наложенном гриме? Харон был непревзойденным мастером посмертного макияжа.

– Ну, вот он я, – сказал Мирон шепотом, переступил порог прозекторской и тут же обнаружил еще одну странность. Внутри было тепло, а должно быть очень даже прохладно. – Зачем кликал?

– Забирай. – Харон посмотрел на него полным тоски и муки взглядом.

Это Мирон понимал, что тоски и муки, а непосвященный человек уже шарахнулся бы в сторону и осенил себя крестным знаменем. Уж больно нестандартной была у Харона внешность. Высокий – полные два метра. Болезненно худой, длиннорукий и длинноногий, полностью лишенный растительности на лице. Полностью – это значит, не только без волос, бороды и усов, но и без бровей и ресниц. И взгляд, тот самый взгляд, который превращал в соляные столбы обывателей, был прозрачно-стылый, как у хрестоматийного серийного маньяка. И вот сейчас в этом стылом взгляде плескалась едва ли не паника.

– Что? – спросил Мирон, присаживаясь на край рабочего стола.

Вообще-то это была непозволительная дерзость, за которую можно было огрести полновесную оплеуху, если не хук слева. Дрался Харон тоже весьма мастерски. Но на сей раз

он лишь неодобрительно покачал лысой головой.

– Слезь, – сказал почти шепотом.

Мирон сполз со стола, посмотрел на Харона вопросительно-выжидающе.

– Не что, а кого, – сказал тот уныло, а потом кивнул в сторону покойницы. – Вот ее забирай.

– Ее?! – Мирон тоже посмотрел на покойницу. – А ничего, что я по другому ведомству? Я, уважаемый, больше по живым, чем по мертвым.

– Она жива, – сказал Харон, а потом добавил: – Пока еще.

– Так, похоже, вечер перестает быть томным. – Мирон все еще надеялся, что это какая-то глупая шутка, надеялся, что в Хароне вдруг проснулось вот такое специфическое чувство юмора, поэтому и сам пытался шутить. Надо же как-то подержать эти нелепые потуги старого друга. Очень старого, если уж на то пошло. – Попытка засчитана. Розыгрыш не так чтобы очень хороший, но для первого раза сойдет.

– Это не розыгрыш. – На покойницу Харон больше не смотрел, как, впрочем, и на Мирона. Он сидел, зажав длинные, с узловатыми пальцами ладони между плотно сжатыми коленями. – Она жива. Можешь проверить пульс.

– А и проверю, – сказал Мирон не слишком уверенно. И так же неуверенно подошел к прозекторскому столу. – Почему у нее волосы мокрые?

– Я ее мыл. Пытался смыть кровь.

– Какую кровь? – Он уже и сам видел, какую. На холодном

хроме стола, прямо под маленьким ухом покойницы, натекла лужица крови. Вот только у покойников не идет кровь... – Черт...

Мирон сунул руку под подбородок девчонки, пытаясь нащупать пульс. Нащупал. Так себе пульс, надо сказать.

– Кровь из раны волосистой части головы, – пробубнил Харон.

Рану Мирон осмотрел сразу, как нащупал пульс. Рана глубокая, но очевидно не опасная. Если только... Он потянул вверх сначала одно полупрозрачное веко, потом второе. Глаза у девочки были разные: один небесно-голубой, второй черный. Это ему так показалось в первое мгновение, а на самом деле тот, что черный, черен от огромного, на всю радужку зрачка. Плохо дело... Мирон торопливо развернул кокон из пледа, так же торопливо осмотрел и ощупал тело и конечности.

– Видимых повреждений больше нет, – снова пробубнил Харон.

– Ага, кроме нарастающего внутричерепного давления. Откуда она у тебя, Харон? – В голову вдруг пришла настоящая дичь. – Тебе ее сдали, как... труп?

Он спрашивал, а сам уже бережно запаковывал девчонку обратно в плед, размышляя, как правильнее поступить: везти пострадавшую в больницу самому или вызывать бригаду. Впрочем, в нынешних реалиях бригаду можно было и не дожидаться.

– Я ее нашел. – В голосе Харона не было никаких эмоций. – На трассе.

Мирон замер, перестал запаковывать девчонку, вперил взгляд в Харона.

– Ты ее... сбил?!

– Ее сбил кто-то другой, а я ее нашел.

– И приволок в контору, вместо того, чтобы отвезти в больницу?!

– Произошла чудовищная ошибка. – Харон разглядывал носки своих резиновых бот.

– Да уж, чудовищнее не придумаешь! Хозяин похоронной конторы спутал живого человека с мертвым. Слушай, где у вас тут каталка?

Транспортировать девчонку лучше на каталке в катафалке Харона. Кто знает, что у нее с позвоночником.

– Я не перепутал. Каталка вот тут. – Харон встал, направился в другой конец прозекторской.

– Охренеть! – Мирон зачем-то погладил девчонку по чуть влажным волосам. Красивая девчонка. Он принялся. И пьяная. В этом нет никаких сомнений.

– Виски, водка, пиво... – Харон подкатил каталку к столу. – Еще какие-то коктейли. Я ощущаю запах колы. – Она была пьяна. Возможно, под кайфом.

– Помоги мне! – Мирон подхватил девчонку под плечи, Харон взял за торчащие из-под пледа узкие щиколотки. – Пьяна, под кайфом... Но на хрена ты привез ее сюда?

Вдвоем они ловко переложили девчонку на каталку.

– Она должна была умереть. – Харон пожал плечами. – У нас с ней было мало времени. – Он недобро зыркнул на Мирона из-под тяжелых надбровных дуг.

– Так! – сказал Мирон твердо. – Ничего не хочу знать! Погнали! – Он направил каталку к выходу. – Повезем на твоём катафалке. В мою машину эта бандура не влезет. Ты кати, а мне нужно позвонить. Черт... Харон, ты хоть понимаешь, что наделал? Как мы объясним, почему прикатали ее на твоём катафалке, голенькую и вымытую с шампунем? Что я скажу в приемном покое? Да бог с ним, с приемным! Что я ментам скажу? Где мы ее взяли, а?

– Ее можно одеть. – Харон больше не выглядел понурым – скорее озадаченным. Словно бы решал какую-то сложную математическую задачу.

– Нормально! Пока мы будем ее одевать, она может богу душу отдать!

– Она не умрет. – Харон обошел каталку, взял с соседнего прозекторского стола стопку аккуратно сложенной одежды. – Она должна была умереть, но почему-то от нее отказались.

– Кто отказался?

– Не важно. Я точно знаю, что она не умрет. У нас есть время, чтобы все сделать по правилам.

Харон говорил и быстро распеленывал девчонку. Одевал ее он также быстро, как маленького ребенка или большую

куклу. Харон умел и раздевать, и одевать. Работа у него была такая. Так что Мирон еще не успел обдумать его слова, как девчонка уже лежала на каталке в полной экипировке. Даже с аккуратно завязанными шнурками на ботинках.

– Вот, теперь все хорошо, – сказал Харон, смахивая приклеившийся к подошве девчонкиного ботинка листок.

– Хорошо-то хорошо, – простонал Мирон, – да ничего хорошего. Дальше что?

– Скажу правду. – Харон пожал плечами. – Я ехал на работу и нашел ее на обочине.

– Прямо вот разглядел в темноте?!

– У меня хорошее зрение.

– Ее нужно транспортировать на каталке.

– В катафалке была каталка.

– Правда, что ли?

– Нет, но она могла там быть. Я погрузил пострадавшую в катафалк и отправился в больницу.

– А я? Откуда взялся я? Мне нужно быть на операции, Харон! Там сейчас по реанимации дежурит Сёма, а он полный debil. Я бы ему и кошку не доверил.

– По дороге я позвонил тебе, и ты подъехал уже к больнице. Все, мы готовы. – Харон толкнул каталку, тело девчонки дернулось, рука с черным маникюром, соскользнула вниз, и Харон бережно вернул ее обратно. – Помоги мне погрузить ее в машину, а дальше я сам. Встретимся в приемном покое.

Глава 3

К больнице Мирон подлетел раньше катафалка, оставил машину на почти пустой по ночному часу стоянке и бегом бросился ко входу в приемный покой. В приемном за обшарпанным столом дремала дежурная медсестра Диночка, что было до крайности редким явлением. Не спящая Диночка, а предоставившаяся ей возможность вздремнуть. Приемный – место горячее, вздремнуть здесь получается крайне редко.

– Мирон Сергеевич? – Диночка кокетливо поправила выбившуюся из прически прядь, огладила халатик на выдающемся бюсте. – А сегодня ж не ваше дежурство. Или ваше? – в ее голосе послышалась надежда.

– Сейчас привезут пострадавшую. – Мирон замер, шаря по карманам бомбера. – Диночка, позвоните Семён Семёнычу... – Он вытащил мобильный. – А из хирургов у нас кто?

– Сидоренко. – Диночка выбралась из-за стола. – А что случилось, Мирон Сергеевич? Что за пострадавшая?

– Сидоренко – это хорошо, даже замечательно! – Мирон уже набирал номер. – Сидоренко я тогда сам позвоню. А вы готовьтесь, Дина. Времени у нас с вами в обрез.

В трубке щелкнуло, и сиплый бас заведующего первой хирургией проревел:

– Тебе чего не спится, Мирон Сергеевич?

– Подогнал вам работу, Адам Петрович. Готовьте опера-

ционную.

– Лучше б ты мне пузырь коньяка подогнал, Мирон Сергеевич! Что там за пожар?

– Авария. Мне позвонил Харон.

– Кто?

– Харон Иван Акифьевич, владелец похоронной конторы. Это мой знакомый.

– Нормальные у тебя знакомые, Мирон Сергеевич.

– Какие есть. – Мирон направился к лестнице. – Спускайтесь в приемную, Адам Петрович, я сейчас переоденусь и тоже подбегу.

– Так что там с твоим гробовщиком? – По громкому сопению в трубке стало понятно, что Сидоренко уже выбирается из своего любимого кресла. – Давай в двух словах, чего нам ждать?

Взбегая по лестнице на четвертый этаж, Мирон рассказал, чего ждать. Придерживался заготовленной легенды, хотя до последнего не верил, что их с Хароном план выгорит.

– Так что, нам нужно МРТ, – закончил он.

– МРТ нужно всем, – проворчал Сидоренко. – Ладно, Милочку я беру на себя, она мне кой-чего задолжала.

Милочкой звалась заведующая отделением лучевой диагностики Людмила Васильевна Симакова. Была она бабой вздорной и капризной. У Мирона к ней не было никакого подхода, а вот у Адама Петровича, кажись, был.

– На операции хочу видеть тебя, а не Сёму, – проворчал

Сидоренко. – Раз уж ты все равно здесь и подогнал нам это-
кое счастье.

– Буду! Я уже почти! – С этими словами Мирон ворвался
в ординаторскую, осмотрелся.

Сёма, ужасно неповоротливый и ужасно ленивый вчераш-
ний интерн, со снулым видом сидел за рабочим столом.

– Мирон Сергеевич, а что такое? – спросил он, зевая.

– Тебе Диночка звонила? – Рыкнул Мирон, стягивая с се-
бя бомбер и зашвыривая его в шкаф.

– Звонила. – Сёма снова зевнул во всю пасть. Мирону за-
хотелось его пришить.

– Так чего ты тут, а не в приемном? – спросил он, стаски-
вая с ноги кроссовок.

– Так ведь вы ж приехали.

Логика Сёмы была железной, но от этого желание приши-
бить его сделалось еще сильнее.

– Дебил ты, Сёма, – процедил Мирон сквозь стиснутые
зубы.

Сёма обиженно засопел, но возражать не стал. Сёма про-
поведовал толстовский принцип непротивления злу насили-
ем, плыл себе по течению, как говно по реке.

Ожил мобильный.

– Мы приехали, – просипела трубка голосом Харона. –
Она все еще жива.

– Какое счастье! – сказал Мирон вполне искренне, а по-
том добавил: – Сам ее не тащи, сейчас подойдет санитар из

приемного.

– Уже, – сказал Харон и отключил связь. И хрен поймешь, что «уже». Уже вытащил сам, или уже подроспел санитар.

Мирон чертыхнулся и, на ходу надевая халат, ломанулся вниз по лестнице.

В приемном покое уже царила вполне привычная для этого места суета. «Скорая» только что привезла орущего дурниной детинушку с шиной на ноге. Детинушка был пьян и активен, то и дело порывался сигануть с каталки, а Диночка пыталась его уgomонить. Пусть бы не пыталась, дала бы сигануть. На пластиковом стульчике, благостно сложив руки на коленях, сидел какой-то старичок, рядом с ним лежал потрепанного вида тонометр, который старичок, вероятнее всего, привез с собой. Этот никуда не спешил и дурниной не орал, терпеливо ждал, когда до него дойдет очередь. Вид у него был вполне бодрый. Это давало основания верить, что своей очереди он успешно дождется.

Харон стоял у входа, скрестив на груди длинные руки. Рядом у стены стояла его трость с черепушкой. На Харона украдкой и с некоторой опаской поглядывали все, включая пьяного детинушку, а он смотрел прямо перед собой и вид имел отрешенно-задумчивый. Каталки нигде не было видно.

– А где? – спросил Мирон, подходя к Харону.

– Забрали. – Тот пожал плечами, а потом спросил: – Можно мне остаться?

– Конечно, это ж больница, а не твоя контора, тут рады

всем и в любое время.

– Я так и подумал. – Харон перевел взгляд на детинушку, тот тут же прекратил дебоширить и затаился. Старичок одобрительно кивнул. Диночка вздохнула с облегчением. – Тогда я подожду на улице.

– Ждать придется долго, – предупредил его Мирон.

– Хорошо. – Харон прихватил свою трость и направился к выходу.

– Это кто? – спросила Диночка, как только за ним захлопнулась стеклянная дверь. – Жуткий какой! – Она выпучила глаза, несколько раз взмахнула накладными ресницами. А Мирон в который уже раз подумал, что имеется прямая связь между длиной накладных женских ресниц и интеллектом. У Диночки ресницы были ну очень длинными...

– Не берите в голову, – сказал он ласково, и, развернувшись на каблуках, рванул по коридору в сторону отделения лучевой диагностики.

Там в небольшом предбаннике его уже ждал Сидоренко.

– Уже? – спросил Мирон, отвечая на крепкое рукопожатие хирурга.

– Не уже, а снова, – проворчал тот. – Ты ж ее еще не видел?

Мирон чуть было не ляпнул, что очень даже видел, но вовремя прикусил язык.

– Нет, но Харон сказал, что дело плохо.

– Плохо – это не то слово, – Сидоренко почесал по бычьей мощную шею. – Хреново дело, Мирон. Я позвонил в невро-

логию, пусть подбежит кто, глянет. Но тут и без них понятно, что есть внутричерепное кровоизлияние. Это мы ее еще на предмет других травм не осматривали, сразу запихнули в аппарат.

– Нет там других травм, – буркнул Мирон.

– Тебе откуда знать, ты ж ее не видел?

– Харон сказал.

– А Харон у нас типа врач? – Сидоренко усмехнулся, снова поскреб шею.

– А Харон у нас типа патологоанатом. В прошлом. В недавнем прошлом.

– Стало быть, какой-никакой врач.

– Нормальный он врач, получше некоторых. – За Харона вдруг стало обидно.

– Ну, будем думать, что он не ошибся, – сказал Сидоренко примирительно.

Ожидание тянулось мучительно долго. Сидоренко развалился в кресле, устало прикрыл глаза. Мирон кружил по предбаннику, перемещаясь от одного информационного стенда к другому. Стенды были предназначены для пациентов, картинок было больше, чем слов, но чтение и разглядывание картинок успокаивало. Наконец, в предбанник выплыла Милочка. Она была дамой корпулентной, но корпулентности своей нисколько не смущающейся. Характер имел вредный, из-за чего врагов в больнице нажила немало. На Мирона она даже не глянула, сразу взяла курс на Сидоренко.

– Забирай! – сказала чуть сиплым и прокуренным голосом. – Идите мойтесь на операцию, дружочки!

– Хреново? – спросил Сидоренко точно так же, как до этого спрашивал Мирон.

– Сами смотрите. – Милочка поманила их за собой в святая святых, где на монитор компьютера были выведены данные МРТ.

Сидоренко с Мироном посмотрели, молча переглянулись.

– Дело ясное, что дело темное, – сказал Сидоренко задумчиво.

– Девочку жалко, – вдруг сказала Милочка бархатно-мягким, каким-то чуждым для себя голосом, а потом рявкнула: – Чего вы тут картинки разглядываете? Она сама себе трепанацию не сделает!

На операцию мылись молча, каждый думал о своем. Сидоренко заговорил первым.

– Она – не жилец.

– А вдруг выкарабкается? – Мирону такой прогноз совсем не понравился, хотя и казался едва ли не очевидным.

– А если выкарабкается, то нам с тобой спасибо точно не скажет. Если вообще сможет говорить. – Сидоренко вздохнул, а потом торопливо перекрестился сам и за компанию перекрестил Мирона: – Ну, с богом!

– Не отказался бы от его помощи, – сказал Мирон, выходя под яркий свет операционной и привычно занимая место в изголовье операционного стола. А где еще быть во время

операции анестезиологу-реаниматологу?

Наверное, кто-то там на небе все-таки помогал им этой ночью. Или не им, а девчонке, которую Мирон уже мысленно прозвал Джейн Доу. Называл бы по-другому, но никаких документов у нее при себе не было.

Оперировали молча, перебрасываясь лишь короткими фразами, понимая друг дружку с полуслова. Слаженная команда досталась Джейн Доу, в этом тоже виделось некое везение и рука судьбы. Один раз она попыталась умереть. Мирон не дал. Больше не пыталась, не отвлекала бригаду от работы, поэтому можно было сказать, что операция прошла успешно. По крайней мере, закончилась. Впереди был ранний послеоперационный период, потом ранний реабилитационный, и дальше по всем кругам ада до полного выздоровления. Мирон на это очень надеялся.

Он дождался, пока Джейн поднимут в отделение интенсивной терапии, дал указания дежурной медсестре и Сёме глаз с нее не спускать, а сам спустился в приемный покой.

В приемнике царил ад и хаос, за окнами ревели и мигали сразу две «Скорые». Да уж, дежурство у Сидоренко выдалось хреновей не придумаешь. Сам же Мирон намеревался найти Харона и уже вместе с ним дожидаться приезда полиции.

Харон нашелся на лавочке под старой липой, которую начмед Горовой, тот еще говнюк, каждое лето порывался спилить к чертовой матери. Горовому нравились «туечки» и «кипарисики», а не вот это безобразия. Он так и говорил

«туечки» и «кипарисики». И каждое лето удавалось липу отстоять, вырвать ее хрупкую ботаническую жизнь из беспощадных лап начмеда Горового, чтобы потом посиживать под ее сенью с бутербродами, кофе или сигаретами. За сигареты нещадно ругали, даже табличку в землю воткнули, но народ все равно курил. Особенно в ночную смену.

Вот и сейчас на скамейке под липой курили. Вернее сказать, курила. Милочка сидела в непозволительной близости – всего-то метр! – от Харона. Это было удивительное зрелище. Милочка, откинув все свое крупное тело на спинку скамейки, выпускала в небо ровные колечки дыма, а Харон, упершись тростью в землю и скрестив ладони на серебряной черепушке, эти самые колечки разглядывал. Велась ли между этими двумя какая-то светская беседа, Мирон не знал, но шаг все-таки замедлил, а уши наострил. Оказывается, не зря наострил.

– Альгинат? – Голос Милочки был этаким сипло-воркующим. – Вы серьезно?

– Я никогда не шучу. – А голос Харона был с привычно механическими интонациями, но все же, но все же что-то такое в нем Мирон уловил.

Милочка окинула его долгим, наглым взглядом, а потом кивнула и сказала:

– Уважаю. А я все с папье-маше балуюсь. А альгинат исключительно на морду лица. Знаете, есть такой специальный альгинат?

– Не знаю.

– А про папье-маше хоть слышали?

– Слышал.

– Вы чудесный собеседник! – сказала Милочка с искренним восторгом.

– Вы находите? – Харон перестал пялиться на истаявшие дымные колечки и перевел свой стылый взгляд на Милочку.

Любая другая отшатнулась бы от этого взгляда. Отшатнулась, осенила себя крестным знамением и сбежала, но Милочка проявила удивительную стойкость и удивительную дерзость, выпустив струйку дыма прямо Харону в лицо.

– Утверждаюсь в этом с каждой секундой все сильнее, – сказала она, а потом добавила: – Я видела вашу Персефону.

– Что? – Вот теперь голос Харона изменился, вот теперь в нем появилась едва ли не паника, а Мирон подумал, что слишком много потрясений выпало на его долю этой ночью. Сначала Джейн, теперь вот Милочка.

– Говорю, видела вашу Персефону. Хоронили у вас одного нашего сотрудника, пришлось, так сказать, присутствовать. Занимательная у вас контора.

– Контора?

– Ну, заведение. Это уж как вам будет удобно. – Милочка легкомысленно взмахнула рукой с зажатой в ней сигаретой. – Все равно занимательная.

– И чем, позвольте вас спросить? – Харон повернул к Милочке голову, профиль у него был по-птичьи хищный.

– Стильное оно у вас, – сказала Милочка.

– Что?

– Заведение. Чувствуется, что у хозяина есть вкус, что весьма удивительно для здешних мест. Я, знаете ли, не поленилась, прошлась по залам.

– Посторонним ходить по залам запрещено, – сказал Харон строго.

– Ну, запрещающих табличек я не увидела, поэтому прошлась. – Милочка пожала плечами. – Знаете, какой зал мне понравился больше всего?

– Не знаю. – Харон мрачнел на глазах, хотя, кажется, куда уж больше.

– С масками. Это ж вы их делали? Я не ошиблась?

– В зал с масками заходить запрещено.

– Да, вы уже сказали. Но раз уж так вышло, что я зашла, то позвольте мне выразить свое восхищение. Гениально, я вам скажу. Кстати, я Людмила Васильевна. Для друзей – просто Мила. А вы? – Она вопросительно выгнула бровь.

– Харон.

– А для друзей?

– А друзей у меня нет. – Харон отвернулся от Милочки, положил подбородок на скрещенные поверх набалдашника трости руки.

Мирону от этих слов стало обидно. Он-то считал Харона своим другом. Каким-никаким. Несмотря на значительную разницу в возрасте. А тут такое откровение.

– Да выходите вы уже из засады, Мирон Сергеевич! – сказала Милочка, не оборачиваясь.

– Как узнали, Людмила Васильевна? – Мирон шагнул на освещенный фонарем пяточок.

– По парфюму, дружочек. У вас одного в нашей богадельне приличный парфюм.

– Я старался. – Мирон хотел было сесть на скамейку, но прикинув размер посадочного места, передумал, не стал нарушать личное пространство Харона.

– Ну как она? – спросили одновременно Милочка и Харон. Спросили и глянули друг на друга: Милочка восхищенно, а Харон уныло.

– Операция прошла успешно, гематому дренировали. Барышню, отправили на четвертый этаж под наблюдение.

– Но прогноз все равно хреновый. – Милочка загасила сигарету, прицелилась и запулила ее в стоящую поблизости урну. – Не жилец – ваша барышня, Мирон Сергеевич.

– Жилец, – сказал Харон каким-то обреченным тоном.

– Откуда вам знать, Харон? Интуиция? – Милочка посмотрела на него с любопытством.

– Можно и так сказать. – На Милочку он по-прежнему не смотрел, о чем-то сосредоточенно думал.

– А Персефона ваша чудо как хороша! – В присутствии Харона строптивая Милочка проявляла просто удивительную покладистость.

– Дальше что? – спросил Харон, не обращая внимания на

Милочку и обращаясь только к Мирону.

– Ждем полицию, дашь показания, расскажешь, где ты ее подобрал.

– А где вы ее подобрали, Харон? – Милочка закурила следуюшую сигарету.

– В лесу, – ответил тот уныло.

– Прямо в лесу? Вы там грибы собирали?

– Я там ехал на ночную смену. – Харон тоскливо вздохнул, а потом сказал, снова обращаясь только к Мирону: – Давай пройдемся, пока полиция не приехала.

Он встал, коротко, как-то по-старомодному, кивнул Милочке и шагнул в темноту.

Мирон глянул на Милочку, виновато пожал плечами и поспешил за Хароном.

– Было приятно познакомиться! – слышалось им вдогонку, и Мирон так и не понял, искренне это было сказано или с издевкой, потому что ничего приятного в общении с Хароном обычный человек не нашел бы даже при большом желании.

– Удивительно настырная особа, – проворчал Харон, бредя по дорожке.

– И не говори! – согласился с ним Мирон. – Вредная баба – жуть!

– Она не вредная. – Харон замедлил шаг. – Она настырная. И очень наблюдательная. И ей понравились мои маски. – В сиплом голосе Харона слышалось удивление. – По край-

ней мере те, что в свободном доступе.

Удивление это было Мирону понятно, потому что одним из увлечений Харона было создание посмертных масок. Такое себе увлечение, надо сказать, но маски получались столь же жуткими, сколь и реалистичными. Коллекция у Харона была немалая. Он никогда не делал слепки без разрешения родственников. Иногда он даже умудрялся испросить дозволение на посмертный портрет у самого усопшего, так сказать, накануне перехода в мир иной. Некоторые разрешения были бескорыстными, за другие приходилось платить родственникам или предлагать скидку за услуги, связанные с погребением. Почти всегда Харону удавалось договориться. Он не делал посмертные маски со всех своих клиентов. Мирон никак не мог уловить систему, согласно которой тот выбирал натуру для работы, а спрашивать напрямую не хотел. Может, боялся получить ответ, который ему не понравится?

В зале с масками сам Мирон был всего лишь один раз. Ему хватило. Нет, его не мучили кошмары, но ощущения после посещения этого паноптикума остались тягостные. словно бы Харон умудрялся поймать в свои сети саму смерть, и она злилась, недобро кривила бледные губы, зыркала из черных провалов пустых глазниц. Зал с масками был, так сказать, для личного пользования. Тем удивительнее был тот факт, то Милочка оказалась именно в нем. Еще удивительнее был факт, что Милочку маски не напугали, а заинтересовали. Чуден мир!

– Ты решил, что скажешь в полиции? – спросил Мирон, подлаживая свой шаг под шаг Харона. – Может, порепетируем для начала?

– Не надо. – Харон мотнул лысой головой. – Я скажу правду. Почти правду. Я ехал на работу, увидел на дороге кровь, почувал запах гари...

– Гари? – Мирон замедлил шаг.

– Там что-то взорвалось или сгорело. Какое-то транспортное средство. Если судить по ее одежде, мотоцикл.

– Она слетела в овраг на мотоцикле? – спросил Мирон и сам же себе ответил: – По ходу, так и было. Она ж пьяная вдрызг. Мы взяли кровь на алкоголь, но, думаю, там и дурь какая-нибудь тоже нашлась бы. Накидалась, села на мотоцикл и слетела в овраг.

– Нет. – Харон покачал головой.

– Как – нет, если все сходится? – удивился Мирон.

– Она не слетела в овраг. Сначала она упала на дорогу. Там были следы торможения.

– И?

– И лужа крови.

– И? – Мирон старательно пытался врубиться в то, о чем толкует Харон, но бессонная ночь давала о себе знать.

– Ее, – Харон передернул плечами, словно ему было неприятно само упоминание Джейн, – я нашел внизу, на дне оврага. И где-то там же внизу догорало транспортное средство. Теперь понимаешь?

Мирон начал понимать. Если девчонка слетела с трассы и там же приложилась головой об асфальт, то и найти ее Харон должен был на дороге, а не на дне оврага.

– Может, померещилась? – спросил Мирон на всякий случай.

– Что? – Харон посмотрел на него как на умственно отсталого.

– Кровь на асфальте.

– Не померещилась. И у меня прекрасная зрительная память.

– Ни секунды в этом не сомневался. – Мирон взъерошил волосы. – Выводы какие? Что там на самом деле произошло? Как она оказалась внизу? Сползла с дороги?

– В таком состоянии? – Харон неодобрительно поморщился. – Ты же врач, Мирон.

– А что за следы торможения?

– К следам я не присматривался – только к луже крови.

– То есть, ты сейчас пытаешься мне сказать, что ее кто-то сбил на той дороге?

– Не пытаюсь, я говорю тебе, Мирон, эту... девушку столкнули с дороги намеренно.

– Зачем?

Мирон остановился, дернул Харона за рукав пиджака. Тот мягко, но настойчиво высвободил свою руку.

– Чтобы спрятать, – сказал равнодушно.

– Девушку?

– Тело. Кто бы это ни был, он решил, что она мертва.

– Почему? – Разговаривать с Хароном всегда было тяжело, а сейчас тяжелее в разы. Каждое слово из него приходилось вытягивать клещами.

– Потому что даже я так решил. В первое мгновение.

– А, ну если даже ты так решил, то это весомый аргумент.

На самом деле это и был весомый аргумент. Человек, большую часть своей жизни посвятивший служению смерти, не мог ошибаться в такого рода вещах. Но все равно ошибся. Почти.

– Она должна была быть мертва. – Харон снова побрел по дорожке.

– Ты поэтому привез ее в контору? Ты думал, что ей уже ничем не помочь?

– Я думал, что она умрет с минуты на минуту.

– А она все не умирала и не умирала.

– Ошибка мироздания. – Харон пожал плечами. – До сих пор не могу понять, как такое возможно.

– Слушай! – Мирон нырнул в темноту вслед за Хароном. – А расскажи-ка мне, где все это случилось!

– Зачем? – Харон обернулся.

– Ну, тебе ж еще с полицией беседовать. Так?

Харон молча кивнул.

– А я уже свободен. Могу проявить инициативу.

– Ты хочешь осмотреть место преступления? – спросил Харон равнодушным тоном.

– Почему сразу место преступления? Возможно, место происшествия.

– Зачем тебе?

– Интересно.

– Там нет ничего интересного. Там тьма. – Харон обвел тусклым взглядом дорожку и подступающие к ней кусты пызыреплодника.

– Тьма в фигуральном смысле или буквальном? – спросил Мирон.

– Во всех смыслах.

– Тогда я возьму с собой фонарик. Ну же, расскажи, где ты нашел нашу Джейн Доу!

...Заброшенная дорога была не такой уж и заброшенной. Пользовались ей хоть и редко, но достаточно регулярно, даже несмотря на то, что дорожные службы уже давно махнули на нее рукой, не ремонтировали, не укрепляли подмываемый дождями склон, не вырезали подступившие к самому асфальту деревья. Дорогу эту Мирон знал неплохо, потому что именно по ней кратчайшим способом можно было добраться до дома Харона. И дальний свет он врубил безо всякого зазрения совести. Свет фар в этой глуши мог распугать разве что дикое зверье, которого в местном лесу водилось в избытке. Опасаться, что на дороге в этот час может оказаться другой автомобиль, не стоило, а с тьмой, хоть фигуральной, хоть буквальной, нужно было как-то бороться.

Описанный Хароном участок, Мирон нашел быстро. Остановил машину, не доезжая нескольких метров до предполагаемого места происшествия и, не выключая фары, выбрался из салона. Снаружи пахло лесом, асфальтом, дорожной пылью и приближающейся грозой. Небо еще полчаса назад затянуло тучами так, что исчезли и звезды, и луна. От того тьма теперь казалась крошечной. Даже свет фар с ней едва справлялся.

Мирон вытащил из кармана фонарик, направил острый белый луч на асфальт. Сначала ему показалось, что Харон ошибся, описывая место, но вскоре он увидел на дороге следы от протекторов. Джейн, очевидно, была за рулем байка. Вот в этом самом месте байк пошел юзом и упал. А этот размазанный по обочине след – явное тому подтверждение. Байк упал вот здесь, и тут же Джейн вылетела из седла. Мирон присел на корточки, посветил фонариком перед собой и, чертыхнувшись, отшатнулся. На дорожное что-то копошилось. Что-то черное, бесформенное и определенно живое. От его вскрика это черное и копошащееся взмыло в небо, рассекая застывший воздух кожистыми крыльями. Летучие мыши! Чертова туча нетопырей сейчас с негодующим визгом кружила у Мирона над головой. А у его ног тускло поблескивала черная лужа.

Не нужно было быть врачом, чтобы понять, что это за лужа. Харон и тут не ошибся! В этом месте девчонка упала и приложилась головой об асфальт. В этом месте она должна

была умереть либо от кровопотери, либо от нарастающего внутричерепного давления. Но не умерла. Мирон поводил лучом фонарика по дороге и в холодном электрическом свете увидел другой след...

Похоже, Харон и на этот раз оказался прав. Джейн не просто по пьяни слетела с байка. Джейн сбили с байка каким-то другим транспортным средством. Ну, так бы выразился Харон, а Мирон видел очевидное: девчонку столкнул с дороги автомобиль. Случайно ли? Нарочно ли? Это еще предстояло выяснить, но в душе уже рождались недобрые предчувствия. Во всем случившемся ему отчетливо виделась злонамеренность. Даже если кто-то сбил байк по неосторожности, то первое, что должен был сделать нормальный человек – это выйти из машины и осмотреть пострадавшую. Осмотреть, отвезти в больницу. Позвонить в «Скорую», на худой конец! Но в больницу Джейн отвез Харон, а не тот, кто едва не отправил ее на тот свет. Или потому и не отвез? Решил, что девчонка мертва? Испугался последствий и ответственности? И что тогда?

А тогда этот ублюдок просто столкнул Джейн в овраг, как сбитую на дороге лису. Стокнул Джейн, а следом столкнул байк. Зачем? Ответ казался очевидным. Чтобы тело не сразу нашли!

Где-то высоко в небе гроыхнуло, и по-прежнему кружащие над Мироновой головой нетопыри разлетелись в разные стороны. Он снова чертыхнулся и, подсвечивая себе путь

фонариком, принялся спускаться вниз. Спуск оказался крутым, он заканчивался у подножья старого дуба, основание и извитые корни которого тоже были испачканы в крови. Значит, выродок не спустился вниз с девчонкой на руках, а в самом деле столкнул ее вниз, туда, где ее голова уже во второй раз встретилась с чем-то опасно-твердым. Вот с этим вековым дубом встретилась. Кости уцелели лишь чудом. Мирон окинул задумчивым взглядом траекторию полета и встречающиеся на пути кусты. Да, определенно, случившееся можно было считать чудом. Он снова поводит вокруг себя фонариком, втянул в ноздри сгустившийся воздух. Пахло гарью.

Байк, а вернее, то, что от него осталось, нашелся в стороне, метрах в ста от дуба. Он выгорел до самого своего железного остова и сейчас был похож на скелет какого-то доисторического монстра. От него несло горелой резиной и оплавившимся пластиком. Взорваться от падения и удара он никак не мог, такое случается только в дешевых боевиках, а в обычной жизни нет места спецэффектам. Зато в обычной жизни есть место уродам, готовым ради спасения собственной шкуры столкнуть еще живого человека в овраг и сжечь его байк.

Мирон постоял перед оплавившимся мотоциклетным скелетом. Абрисы даже у мертвого, безнадежно испорченного байка были хищно-изящные, намекающие на породистость и немалую стоимость. Но тот, кто не пожалел девчонку, не пожалел и ее железного коня. Вот такой холодной и расчет-

ливой скотиной он был!

Над головой снова громыхнуло, черное небо прочертил белый клинок молнии, и на лицо Мирона упала первая дождевая капля. К тому моменту, как он выбрался из оврага, одежда на нем промокла насквозь, а с дороги вниз по склону стекали уже не ручьи, а реки холодной воды. К утру от улики не останется и следа. Да и станет ли кто-то искать улики? Обычное ДТП всегда предпочтительнее покушения на убийство. Дело – в сейф, а девчонке – штраф с лишением прав. Если она вдруг выживет...

Глава 4

Предположения Мирона оправдались той же ночью. Вернувшись домой и стащив с себя мокрую одежду, он первым делом позвонил в реанимацию Сёме, а вторым – Харону.

Сёма звонку, по всей видимости, был не рад, отвечал вяло, борясь с зевотой. Мирону снова захотелось его придурить. Но желаемого от Сёмы он все-таки добился. Состояние пациентки оставалось стабильно-тяжелым, болталась Джейн между небом и землей, все никак не могла определиться с выбором.

Харон, в отличие от Сёмы, был бодр, но звонку Мирона тоже не обрадовался.

– Ну, как прошло? – спросил Мирон, засыпая в турку кофе.

– Хорошо. – Харон был образцом лаконичности. Иногда это страшно бесило.

– Что ты сказал полиции?

– То, что и планировал.

Мирон мысленно застонал, а вслух сказал:

– И что они?

– Составили протокол.

– Прелестно. Дальше что?

– Собирались осмотреть место аварии.

– И?.. – Мирон бухнул турку на плиту.

– И началась гроза.

– Это значит?..

– Это значит, что осматривать будут после грозы. Место я им описал, не промахнутся.

Мирон отбросил назад лезущие в глаза мокрые волосы. Одна капля упала в огонь, зашипела и испарилась.

– После грозы они хрен там что найдут, – сказал он зло.

Харон ничего не ответил. Еще одна из его дурных привычек – обрывать диалог на полуслове, превращая его в бессмысленный монолог. Про Джейн он тоже не спросил, хотя прекрасно понимал, что Мирон обязательно позвонит в больницу, чтобы справиться о ее самочувствии. Поздно выяснять, что это такое: бесчувствие или особенность психики. Мирон очень надеялся, что второе. Наверняка, у Харона не было подтвержденного диагноза, но синдром Аспергера казался Мирону вполне очевидным. Он никогда не углублялся в природу странностей своего друга, потому что странности эти его не особо напрягали. До сегодняшней ночи. Сегодняшняя ночь вскрыла нечто большее, чем безобидную странность. Сегодняшней ночью Харон терпеливо дожидался смерти человека, не предпринимая попытки хоть чем-то ему помочь. И ему, Мирону, он позвонил лишь тогда, когда потерял терпение. Позвонил не по зову сердца и не по велению совести. Вот это было страшно. Вот это наводило на недобрые мысли. Мирон не выдержал и спросил:

– Тебе ее совсем не жаль?

– Кого? – голос Харона звучал по-механически глухо.

– Девчонку. Она могла умереть, пока ты медитировал над ее телом.

– Она не умерла.

– Но могла! – Мирон и сам не заметил, как сорвался на крик. Наверное, с криком из него выходило напряжение минувших часов.

– Не могла. Она не умрет.

– Откуда тебе знать? – Кричать он перестал, перешел на шепот.

– Я чувствую такие вещи.

– Какие вещи?

– Дыхание смерти.

И ведь Харон не шутил. Шутить он не умел по определению. Впрочем, как не умел он врать и хитрить.

– И что там было не так с этим дыханием?

Кофе вскипел, и Мирон едва успел снять турку с огня.

– Я его сначала чувствовал, а потом перестал чувствовать, – ответил Харон.

Бесполезно было спрашивать, каким образом он чувствует дыхание смерти, и что это вообще за дыхание такое, но Мирона вдруг отпустило, появилась надежда, что его друг не совсем безнадежен и не совсем бесчеловечен.

– Она будет жить, – продолжил вдруг Харон, хотя Мирон уже не ожидал продолжения. – Она будет жить, потому что она особенная. Я жалею, что не взял образец ее крови. – Ха-

рон немного помолчал, а потом продолжил: – Ты мне в этом поможешь?

– В чем?

– Мне нужна ее кровь. С кровью что-то не то.

– Нет, – сказал Мирон твердо. – Я тебе в этом не помогу.

Я тебе уже и так достаточно помог.

А с ее кровью в самом деле что-то не то, в ней алкоголь и, вероятно, наркотики. Вот такая шальная кровь у нее!

– Ладно. – Голос Харона по-прежнему звучал ровно. – Но было бы любопытно.

– Она ездила на байке, – сказал Мирон неожиданно для самого себя. – Я нашел его на дне оврага. Он выгорел до самого остова. VIN-код уничтожен, номерного знака нет.

Харон ничего не ответил, и Мирон продолжил:

– У нее были при себе какие-нибудь документы? Паспорт? Водительские права?

– Нет, – сказал Харон, не задумываясь.

– А телефон? Телефон есть у каждого. Даже у тебя.

– Мне телефон нужен для работы. А при ней телефона не было.

Можно было бы предположить, что телефон выпал, пока Джейн кубарем катилась по склону оврага, но Мирон почему-то был почти уверен, что телефон забрал тот самый урод, который столкнул ее с дороги. Очень расчетливый получался урод. Расчетливый и методичный. Почти как Харон... Мысль эта была настолько дикой, что Мирон тут же

прогнал ее прочь. Харон может быть и бесчувственный, но он не убийца. Да и такой ли уж он бесчувственный? Ведь однажды много лет назад он проявил участие к одному беспомощному и затравленному пацану. Тогда проявил и сейчас проявляет. Как умеет, так и проявляет...

– Ладно, – сказал Мирон устало, – я спать. Утро вечера мудренее.

– Утром ничего не изменится, – пробубнил Харон и отключил связь.

– Вот и поговорили... – Мирон отложил мобильник и перелил кофе в чашку.

Работа реаниматологом и постоянные ночные дежурства приучили его к кофе, но не сделали зависимым. Вот сейчас он выпьет эту чашку до дна и спокойно пойдет спать. И даже уснет почти мгновенно. Это тоже издержки профессии, когда ты можешь моментально засыпать в любых условиях и при любых обстоятельствах и так же моментально просыпаться.

Этой ночью все было иначе. Мирон ворочался с боку на бок, несколько раз взбивал подушку, сбрасывал, а потом снова натягивал на себя одеяло – маялся. Уснул он лишь под утро, чтобы вскочить под бодрые трели будильника. Вскочил, помотал тяжелой, словно с бодуна головой, сполз с кровати и распахнул окно, впуская в спальню солнечные лучи и свежий после недавней грозы воздух, постоял перед распахнутым окном, медленно вдыхая и выдыхая, возвращая

организм к привычному ритму. Организм возвращаться не желал, и Мирону пришлось тащиться в ванную, становиться под ледяной душ.

Холодная вода помогла почти мгновенно. Вот еще одно эффективное, хоть и радикальное средство приведения себя в боевую готовность. Можно было бы еще отжаться, разогнать, так сказать, кровь, но Мирон не стал, оставляя на полу мокрые следы босых ног, побрел на кухню. Заступать на дежурство ему только вечером, но вчерашнее происшествие и учиненное вслед за ним расследование не давали ему покоя. Наскоро перекусив бутербродом и запив его чашкой кофе, Мирон вышел из квартиры.

Больница привычно встретила его запахом страданий, дезсредств и невкусной казенной еды. А еще низким гулом множества голосов, словно бы она была не лечебным учреждением, а растревоженным ульем. Мирон поднялся на четвертый этаж, толкнул дверь ординаторской. Сёма привычно дремал в своем кресле, благостно скрестив руки на объемном пузе. В отличие от Мирона, просыпаться от малейшего шороха он еще не научился, лишь недовольно причмокнул во сне губами. Мирон прошел к шкафу, переоделся в медицинский костюм, надел сменку и, нарочно громко хлопнув дверью, вышел из ординаторской.

Этой ночью в отделении дежурила Ольга Станиславовна. Опыта и боевого задора в ней было в разы больше, чем в Сёме. Ни многочисленные внуки, ни домашнее хозяйство,

ни запойный муж не сумели погасить в ней этот задор. Работу свою Ольга Станиславовна знала, в отделении считалась незаменимой медсестрой. Мирон с куда большей готовностью оставил бы Джейн под ее опекой, чем под Сёминой. И в отличие от Сёмы, Ольга Станиславовна не спала.

– Ну, как тут? – спросил Мирон шепотом.

– Все живы. – Ольга Станиславовна посмотрела на него поверх узких очков. В очках этих она была похожа на строгую училку. – А ты чего явился? Тебе ж в ночь?

Помимо того, что Ольга Станиславовна была высококлассной медсестрой, она была еще и лучшей подругой Мироновой бабушки, оттого и позволяла себе некоторые вольности. Разумеется, лишь в отсутствие свидетелей.

– А я проведать. – Мирон взял со стола историю болезни Джейн, бегло изучил записи, просмотрел анализы. – Как она, тетя Оля?

В отсутствие свидетелей он тоже позволял себе фамильярность.

– Ну как она?.. – Ольга Станиславовна пожалала плечами. – Без динамики. Всю ночь капали и мониторили. Сёма аж три раза заглядывал. Это ты его заставил?

– Это я. – Мирон кивнул и шагнул к ширме, за которой лежала Джейн Доу.

С прошлой встречи она изрядно подурнела. Кожа истончилась, кажется, до состояния пергамента и цветом сравнялась с цветом застиранных больничных простыней. Пепель-

но-серой была ее кожа. Это если не считать синих теней под глазами и багровых кровоподтеков, которые утром расцвели буйным цветом. Ну и бритая голова ее явно не красила. Волос Мирону было почему-то особенно жалко. Волосы у Джейн были красивые. Когда-то. Но дышала она сама, без аппарата. И жизненные показатели у нее были стабильные, хоть завтра на выписку. Вот только выписка Джейн светила еще очень нескоро. Если вообще светила с таким-то диагнозом.

Мирон в очередной раз подумал, как бы все сложилось, если бы Харон привез девчонку сразу в больницу, если бы не отсиживался в конторе. Или думать нужно было о другом? О том, что Харон запросто мог проехать мимо, что нашел он девчонку просто чудом, и если бы не он, этим утром она бы была мертва окончательно и бесповоротно.

О том, что лучше, смерть или вегетативное состояние, которое никак нельзя было сбрасывать со счетов, Мирон старался не думать. Он был оптимистом, несмотря на выбранную профессию. А может быть благодаря выбранной профессии. Тут уж с какой стороны посмотреть.

– Говорят, ее этот твой дружок привез?

Задумавшись над будущим Джейн, Мирон не сразу заметил, что Ольга Станиславовна выбралась из-за своего стола и встала за его спиной.

– У этого дружка, тетя Оля, есть имя, – сказал он, не оборачиваясь.

– Харон? – Он не мог видеть, но мог представить, как взлетают вверх тонко выщипанные брови Ольги Станиславовны. – Не смеши людей, Мирон! Это не имя и даже не фамилия, это фарс какой-то. Заигрывание со смертью, если хочешь знать.

– Не хочу. – Он легонько мотнул головой.

– А настоящая его фамилия Арон. – Ольга Станиславовна не унималась. – Я точно знаю, мы с ним росли в одном дворе. Всю жизнь был Ванька Арон, а тут, поди ж ты, Хароном заделался! Так это он, да? Динка из приемного сказала, что девочку привез такой странный лысый мужик с тростью.

Мирон ничего не ответил, подошел к Джейн, зачем-то потрогал ее руку. Рука была ледяной, как у покойницы.

– Странный и лысый у нас в городе один. – Ольга Станиславовна шагнула следом, заботливо подоткнула простыню под босые девчонкины ноги, пробормотала: – Не пойму, в палате тепло, а она как ледышка.

Мирон убрал руку, сунул в карман.

– Так это он ее привез? – повторила Ольга Станиславовна.

– Он. – Мирон кивнул.

– А потом сразу ты прилетел. Не в свое дежурство. Это из-за него ты прилетел?

– Это из-за нее я прилетел, – сказал Мирон, отходя от больничной койки, на которой не жила и не умирала Джейн Доу.

– Знакомая твоя? – В голосе Ольги Станиславовны почу-

дилось удивление пополам с любопытством.

– Нет. – Мирон покачал головой. – Просто Джейн Доу.

– Ничего себе имечко! – Ольга Сергеевна неодобрительно поморщилась. – Один Харон, вторая Джейн.

– И только у меня чудесное православное имя, – усмехнулся Мирон. – Ладно, тетя Оль, – он обернулся, – вы приглядывайте тут за ней. Если что...

– Если что, я вам сразу же сообщу, Мирон Сергеевич, – сказала Ольга Станиславовна официальным тоном, из чего Мирон сделал вывод, что в палате они больше не одни.

В дверном проеме маячил Сёма. Ольгу Станиславовну он побаивался еще со времен интернатуры, поэтому заходить не спешил.

– Ну, как она? – Он тянул короткую шею в сторону Джейн.

– Это ты мне расскажи, Сёма, – буркнул Мирон. – Твое ж было дежурство.

– Так хреновое дежурство, – огрызнулся Сёма. – Всю ночь валили и валили. Не успевал разгрести. – Он с просительным видом глянул на Ольгу Станиславовну, призывая ее в свидетели, но та уже не смотрела в их сторону, проверяла, надежно ли установлена в вене Джейн канюля.

Не получивший поддержки Сёма тяжело вздохнул и сказал:

– Полторы промилле у нее в крови.

– Полторы? – удивился Мирон. Ему казалось, что алкоголя в крови у девчонки будет больше. Впрочем, сколько бы

ни было, за руль она уселась пьяная. Вот такая идиотка.

– И этот ваш звонил сегодня. – Сёма зевнул во всю пасть. – Еще шести не было, а он наяривает. Никакого понимания нет у человека.

– Кто звонил? – спросил Мирон, подходя к Сёме.

– Этот, который с божественной фамилией.

– Божественной... – хмыкнула Ольга Станиславовна.

– Мифической, – тут же поправил себя Сёма. – Так и сказал, я Харон, желаю знать, жива ли доставленная этой ночью пациентка с черепно-мозговой.

– А ты что? – спросил Мирон заинтригованно.

– А я сказал, что информацию о пациентах мы предоставляем только родственникам.

– А он?

– А он спросил, соглашусь ли я предоставить информацию о пациентке главному врачу. – Сёма обиженно засопел.

– Шантажировал, значит, – констатировала Ольга Станиславовна и неодобрительно посмотрела на Мирона. Вот, мол, какие у тебя дружки, Миرونушка!

Тот в ответ виновато развел руками, мол, какие есть, а вслух сказал:

– Так ты о состоянии пациентки доложил, Семен?

– Докладил. Лучше уж божеству, чем главному. – Сёма снова зевнул.

– А божество что же?

– А ничего, повесило трубку божество. Даже спасибо не

сказало.

– Там у них в царстве мертвых все такие, – сказал Мирон, протискиваясь мимо Сёмы. – Никаких тебе понятий о приличиях.

Глава 5

Весь день Мирон боролся с желанием позвонить Харону, выяснить, как у того обстоят дела, но в конце концов решил не звонить. День прошел в мелких бытовых хлопотах, перемежающихся мыслями о Джейн и о том, что же на самом деле с ней случилось на заброшенной дороге. Мысли эти к вечеру вымотали Мирона окончательно, поэтому на работу он отправился с почти забытым студенческим энтузиазмом.

Милочка сидела с папироской в зубах на той самой скамейке, под той самой липой, что не давала покоя начмеду Горовому. Сидела, не таясь, гордо и независимо откинувшись на спинку скамейки.

– Здрасьте, – сказал Мирон, намереваясь прошмыгнуть мимо Милочки, если не незамеченным, то хотя бы нетронутым.

Не вышло...

– Мирон Сергеевич! – Милочка многозначительно похлопала по скамейке рядом с собой. – Присядьте!

– Не могу, Людмила Васильевна, спешу на работу служить Минздраву и Гиппократу!

– Минздрав с Гиппократом подождут. – Милочка снова похлопала по скамейке. – Ногти на ее пальцах были длиннющие, покрытые кроваво-красным лаком. И никто не смел попенять ей за этакое непотребство: ни начмед Горовой, ни

главврач, ни вредные тетki из санстанции. Милочка позволяла себе многое, и это многое всегда сходило ей с рук. Злые языки шептались, что причина Милочкиной неуязвимости кроется в близких отношениях с главврачом, но Мирон сомневался.

– Ну как там? – спросила Милочка, когда он не без опаски плюхнулся на скамейку рядом с ней.

– Там – это где? – спросил он осторожно.

Ругаться с Милочкой ему было не с руки. Милочка была полновластной хозяйкой аппарата МРТ, и ее хорошее отношение дорогого стоило. Одного ее слова было достаточно, чтобы бесконечная очередь жаждущих и страждущих чуть-чуть сместилась или чуть-чуть раздвинулась, принимая в свои плотные ряды еще одного счастливица. Мирон не был в числе Милочкиных любимчиков, но и в опалу к ней пока умудрялся не попадать. Сохранял разумный нейтралитет, держал дистанцию, добивался заветных талончиков на МРТ окольными путями.

– Там – это у вашего друга Харона, – сказала Милочка каким-то странным, мурлыкающим голосом. – Он же ваш друг, я правильно поняла?

– Правильно, – ответил Мирон не слишком уверенно, – в какой-то мере мы друзья.

– В какой мере? – уточнила Милочка, затягиваясь папироской.

– В той, какая вообще возможна в случае с Хароном.

– Он очень любопытный персонаж.

– Примерно то же самое он сказал про вас.

– Правда? – Милочка иронично усмехнулась.

– Немного другими словами. Мне кажется, вы его... заинтриговали.

– Интриговать я умею. – Милочка задумчиво покачала носком туфельки. Каблук у туфельки был высоченный, сантиметров десять. Еще одно нарушение, сходявшее ей с рук. – Мирон Сергеевич, – она подалась вперед, пристальным взглядом посмотрела Мирону в глаза.

– Да, Людмила Васильевна. – Собрав волю в кулак, он постарался не отмахнуться от томного облака Милочкиных духов. Третье нарушение, между прочим.

– А хотите абонемент? – спросила она все тем же мурлыкающим голосом.

– Абонемент на что? – осторожно уточнил Мирон.

– Абонемент на МРТ. Ваши пациенты, друзья и родственники по абонементу. В разумных пределах, разумеется. Вы же разумный молодой человек?

– Я очень разумный молодой человек, – согласился Мирон и тут же спросил: – А что взамен?

– Вы не только разумный, вы еще и весьма деловой молодой человек. – Милочка игриво царапнула его по колену алыми коготками. – Как это я вас сразу не разглядела? – Она сощурила ярко подведенные очи. Четвертое нарушение, на секундочку!

– Я старался не отвечивать, – сказал Мирон скромно, мысленно уже прикидывая, что сможет сделать с Милочкиным абонементом.

– У вас хорошо получалось. Мне нужен Харон. – Вот так сразу, без перехода и прелюдий. Мне нужен Харон...

– В каком смысле? – поинтересовался Мирон, мысленно готовясь потерять абонемент и попасть в опалу.

Милочка расхохоталась, снова царапнула его когтями по колену.

– Я увлекаюсь масками, – сказала, отсмеявшись. – Венецианские маски. Слыхали о таких?

– И слышал, и даже видал. – Мирон поскреб колено в том месте, где его царапнули когти Милочки.

– Отлично! Тем проще мне будет донести до вас свою мысль. Я их делаю! – сказала Милочка торжественно.

– Маски?

– Венецианские маски!

– И?..

– И они у меня получаются весьма недурственными. Их даже готовы покупать. – Милочка взмахнула рукой. – Но я знаю правду.

– Какую правду? – Мирон украдкой глянул на часы, времени до начала смены оставалось в обрез.

– Я никудышный творец, я ничто в сравнении с вашим Хароном. Я видела его маски. Вы, наверное, тоже? – Она посмотрела на Мирона не просто внимательно, а требовательно.

но.

– Было дело, – ответил тот без особого энтузиазма и тут же взмолился: – Людмила Васильевна, я опоздаю на работу!

– Экскурсия! – отчеканила Милочка, гася сигарету.

– Что?

– Я вам – абонемент, а вы мне экскурсию. То есть не вы лично, а господин Харон. Я хочу, чтобы он провел для меня экскурсию по тому закрытому залу. Это программа «минимум».

– Даже боюсь спрашивать о программе «максимум». – Мирон попытался встать, но Милочка вцепилась в его запястье, потянула обратно.

– Программа «максимум» – это мастер-класс от Харона по созданию масок.

– Охреть... – Мирон обреченно плюхнулся на скамейку. – Людмила Васильевна, вы, наверное, что-то не понимаете. Это посмертные маски.

– Я понимаю. – Она невозмутимо кивнула. – Посмертные маски. Что вас смущает, Мирон Сергеевич? То, что их снимают с лиц покойников? Вы мало видели в своей жизни покойников? Вы их боитесь? У вас какие-то религиозные предрассудки?

– Я не боюсь покойников, и у меня нет предрассудков. – Мирон мотнул головой. – Я просто не представляю, как уговорить Харона. – Он на мгновение задумался, а потом сказал: – Хорошо! Но я хочу аванс, Людмила Васильевна!

– Я в вас не ошиблась! – сказала Милочка с восторгом. – Разумный и хваткий! Ну, чего хотим?

– Повторное МРТ для вчерашней пациентки. МРТ с контрастированием. Она мне не нравится...

– Ого! – Милочка окинула его задумчивым взглядом, а потом кивнула. – Подозреваете аневризму? В столь юном возрасте?

Мирон молча пожал плечами. Он всякое подозревал, аневризму в том числе. Милочка кивнула.

– Сделаю, – сказала она. – Считайте это авансом за программу «минимум». Не хотите спросить, что я могу сделать за программу «максимум»?

– Хочу, но боюсь, – признался Мирон.

– Я организую вашей протеже консультацию Вышегородцева. Прямо здесь, в больнице. Ну, что скажете? Надеюсь, вы знаете, кто такой Вышегородцев?

– Кто же не знает, кто такой Вышегородцев! – Мирон не верил своим ушам. Затащить светило отечественной нейрохирургии в заштатную районную больницу! Едва ли кому-то такое под силу. Даже Милочке.

– Вижу сомнение в ваших глазах, Мирон Сергеевич. – Милочка усмехнулась. – Саня Вышегородцев – мой однокурсник. Нас с ним когда-то связывали... – она прищелкнула пальцами, – некоторые отношения. Он мне должен.

– Он должен вам настолько, что согласится приехать в нашу Тмутаракань?

– Он мне должен настолько, что согласится провести операцию вашей протезе, если для того будут показания. А мы ведь с вами понимаем, что показания непременно появятся. После МРТ с контрастированием. Ну так что, Мирон Сергеевич? Какую из программ вы готовы осуществить?

– Максимум, – сказал Мирон, мысленно прикидывая, что ему будет стоить уговорить Харона на авантюру с мастер-классом для Милочки.

– Да, – Милочка удовлетворенно кивнула, – я в вас не ошиблась. – Она с поразительной для своей комплекции легкостью вспорхнула со скамейки. – Привозите свою протезу сегодня к девяти вечера.

– Вы остаетесь еще на одни сутки? – удивился Мирон.

– Ради программы «максимум» я готова неделю ночевать в этой богадельне. – Милочка одернула белоснежный халат. – К тому же, мы ведь должны выяснить, стоит ли вообще беспокоить Вышегородцева.

МРТ с контрастированием показало, что светило отечественной нейрохирургии побеспокоить все-таки придется. И как можно скорее.

– Хреновые дела... – сказала Милочка, тыча алым ногтем в монитор компьютера. – Смотрите, Мирон Сергеевич, вот сюда и вот сюда. Надо объяснять, что это может значить? – Она обернулась к стоящему за ее спиной Мирону.

– Не надо, – буркнул Мирон. – Я, знаете ли, тоже в меде учился.

– Значит, звоню Вышегородцеву. – Она не спрашивала, она информировала о почти свершившемся факте. – Мирон Сергеевич, прогуляйтесь-ка пока под луной. Результаты переговоров я вам сообщу.

Мирон молча покинул Милочкин кабинет, постоял в раздумьях в коридоре, а потом вышел на балкон под луну. На балконе висела грозная табличка с надписью «Не курить» и вторая фаталистическая с надписью от руки «Балкон находится в аварийно-опасном состоянии! Больше трех не собираться!» Вторую табличку написал начмед Горовой. Помимо «туечек» и «кипарисиков» он питал слабость к бумажкам, объявлениям и табличкам со всяческими запретами. Мирон оперся локтями о перила, запрокинул лицо к небу. В том, что светило Вышегородцев явится по первому Милочкиному зову, он сильно сомневался, зато он не сомневался в исходе, который неминуемо ждет Джейн Доу в том случае, если в самое ближайшее время ей не будет проведена операция. Не то, чтобы он успел привязаться к девчонке, но считал случившееся с ней несправедливым. В аварию она попала не по своей вине. Могла, конечно, попасть и по своей. Вина за полторы промилле алкоголя в крови лежала исключительно на ней, но на дне оврага Джейн оказалась не по собственной воле. И это злило Мирона неимоверно. Как злила его и почти железобетонная уверенность, что расследовать случившееся никто не станет, все спишут на несчастный случай. Так ведь удобнее и бесхлопотнее, чем заводить уголовное дело из-за

покушения на убийство какой-то залетной пьяной девицы.

Вот и сыграли полторы промилле свою роковую роль в судьбе Джейн Доу! Возможно, если бы в ее крови не оказалось следов алкоголя, полиция проявила бы чуть больше рвения в поисках того, кто столкнул ее байк с дороги.

– Ну, все! – послышался за его спиной хриплый голос Милочки. – Как думаете, Мирон Сергеевич, в глазах Горового я тяну на одного или сразу на двух человек? – Она многозначительно посмотрела на табличку с надписью «Больше трех не собираться».

– Я думаю, наш начмед сильно переоценивает собственные инженерные познания, – сказал Мирон. – Этот балкон переживет нас всех.

– Согласна! – Милочка сунула в рот сигарету, щелкнула зажигалкой и встала рядом с Мироном. – Я договорилась, – сказала, глубоко затянувшись. – Саня приедет завтра утренним дилижансом. Вашей протезе несказанно повезло. Как раз сейчас Вышегородцев с гастролями в областной больнице. Так сказать, дает мастер-классы тамошним нейрохирургам. С двумя из них, разумеется, самыми одаренными, он и приедет. Девочка послужит науке! Вы же не возражаете? – Она покосилась на Мирона.

– Я не возражаю, Людмила Васильевна. Наоборот, я вам очень признателен, – сказал он, не покривив душой.

– Ну, один мастер-класс в обмен на другой, – сказала Милочка, как отрезала.

Мирон вздохнул.

– Когда ждать звонка от господина Харона? – спросила она деловито.

– Давайте, я ему сначала сам позвоню, а уже потом... доложу, – сказал Мирон без особого энтузиазма.

– Давайте, – согласилась Милочка. – Только долго не тяните, у вас неделя, а потом абонемент аннулируется.

– Карета превратится в тыкву, – пробормотал Мирон, и Милочка хмыкнула то ли саркастически, то ли одобрительно.

Глава 6

Милочка сдержала свое слово. Утренним дилижансом, который в просвещенном двадцать первом веке выглядел как вполне комфортабельный минибус, в больницу заявилось светило в сопровождении верных подмастерьев. Охреневший Горовой метался по больнице как ошпаренный. Не менее охреневший, но куда более сдержанный главврач мрачно поглядывал на невозмутимую Милочку, которая после дружеских лобзаний со светилом уходить к себе не планировала, держалась поблизости, всем своим видом давая понять, что она в происходящем действе человек далеко не последний. Кто бы сомневался!

На консилиуме, который собрали для осмотра Джейн, Милочка тоже, разумеется, присутствовала. Сама присутствовала и Мирона привлекла. Мирон не сопротивлялся, ему и самому было интересно, как работают светила государственного масштаба. Светило работало быстро, складно и ладно! Отмахнувшись от назойливых реверансов начмеда Горового, Вышегородцев сразу же приступил к делу. Он был невысок, головаст, лысоват и слеповат, голос имел тихий, а пальцы музыкальные. В книжках эти пальцы бы непременно так и обозвали – музыкальными. А какие же еще пальцы должны быть у ведущего нейрохирурга? Подмастерья его были разновозрастными, выглядели куда солиднее и предста-

вительнее своего гуру, но внимали каждому сказанному слову. Мирон тоже внимал. Тем более что гуру говорил дельные вещи и своей исключительностью не кичился. Тем более что он был готов помочь Джейн, а эта помощь дорогого стоила. Дорогого во всех смыслах.

Операцию назначили на двенадцать часов дня. Мирона тоже пригласили. Его пригласили, а он вдруг некстати подумал, что у врачей не принято лечить своих. Не то, чтобы дурная примета, но лучше делегировать это дело кому-то из коллег, для пущей надежности. Уже потом он подумал, что Джейн ему никакая не «своя», просто так уж вышло, что надеяться ей больше не на кого. Харон потерял к бедняжке интерес сразу же после того, как выяснил, что умирать в ближайшее время она не планирует. Харону простительно, он известный мизантроп, а у Мирона клятва Гиппократу и моральные принципы. И теперь за эти принципы он оказался должен коварной Милочке.

Как бы то ни было, а операция прошла гладко. Настолько гладко, насколько это вообще возможно в условиях районной больницы, оборудованной далеко не по последнему слову техники.

– Ну все, коллеги! – сказал Вышегородцев, когда всю их дружную ораву пригласил к себе в кабинет главный врач. – Все, что от нас зависело, мы сделали. Остальное – в руках божьих. Будем уповать на его милость и на то, что у пациентки молодой и крепкий организм. Случай, скажу я вам, лю-

бопытный: можно сказать, что все это время барышня жила вопреки, а не благодаря.

Горовой бросился было благодарить и оправдываться, но Вышегородцев взмахом руки остановил его неискренние излияния, лишь попросил, чтобы о состоянии пациентки его непременно информировали.

Главврач покосился на Милочку и пообещал информировать. Милочка кивнула и тоже пообещала, а Мирон под шумок ретировался из начальственного кабинета. Ему предстояло еще одно довольно сложное, почти невыполнимое дело. И дело это не требовало отлагательств.

Харон по старой своей привычке взял трубку не сразу. Мирон насчитал десять гудков, пока в мобильном не послышался наконец хриплый и очевидно недовольный голос друга:

– Слушаю. – Приветствиями и прочими этикетами Харон не заморачивался.

– Ты мне должен. – Мирон решил брать быка за рога и ковать железо, пока горячо.

– Не помню, чтобы занимал у тебя деньги. – В голосе Харона послышалась легкая озадаченность.

– Ты не должен мне денег, ты должен мне... – Мирон сделал глубокий вдох и выпалил: – Ты должен мне мастер-класс по созданию этих твоих масок.

– Тебе? – А вот сейчас озадаченность перешла в удивление.

– Не мне, а Милочке. Ты помнишь Милочку?

– Ее трудно забыть.

– Прекрасно! В таком случае, тебе не слишком напряжет моя маленькая просьба.

– Она меня уже напрягает. – В голосе Харона послышался лед, и Мирон испугался, что прямо сейчас он повесит трубку. Бывали уже прецеденты.

– Так! – сказал он не просительно, а строго. – Я говорю, ты слушаешь, а потом решаешь. Но сразу хочу расставить все точки над «і». Ты позвонил мне, когда тебе потребовалась помощь. Ты позвонил, и я тут же приехал. Теперь помощь нужна мне.

Можно было бы сказать, что помощь нужна Джейн, что они в ответе за тех, кого вытащили из оврага, но Мирон решил, что Харона сантиментами не прошибешь, а вот чувством долга можно попробовать.

– Говори, – велел Харон после недолгих раздумий.

И Мирон заговорил. Старался говорить сухо и кратко, на понятном Харону языке. Только факты – никаких призывов к милосердию. Закончил быстро. Когда только факты, спич сокращается в разы.

– Ты хочешь, чтобы я показал этой женщине, как создаю свои маски? – спросил Харон после долгого молчания.

– Да, именно это она от меня и требует.

– Она могла бы обратиться ко мне лично.

– И ты бы сразу согласился?

– Нет.

– Вот поэтому она и отправила гонца. Так что мне ей передать?

– Передай ей, что я подумаю.

– Нет! – Харон не мог его видеть, но Мирон все равно помотал головой. – Нет, давай я передам ей, что ты будешь рад провести для нее этот мастер-класс.

– Я не буду рад.

– Но проведешь? – спросил Мирон с надеждой.

– Проведу.

От сердца отлегло. И аванс отработал, и абонемент у него в кармане! Свезло так свезло!

– Спасибо.

– Я работаю по ночам, – сказал Харон. – Она должна это понимать.

– Романтическое свидание ночью в конторе. Прекрасно!

О лучшем не приходится и мечтать.

– Это не романтическое свидание, Мирон. Это деловая встреча.

– Деловая встреча ее тоже устроит.

– И если она решит упасть в обморок...

– Харон, она врач, она не падает в обмороки при виде покойников.

– Все время об этом забываю, – пробормотал Харон, а Мирон подумал, что для того, чтобы что-то забыть, об этом как минимум нужно хоть иногда вспоминать.

– И кстати, – сказал он, понижая голос, – операция прошла успешно.

– Хорошо. – Харон не стал спрашивать, что за операция. То ли понял, то ли его и в самом деле не интересовала судьба Джейн. – Передай этой женщине, что я буду ждать ее в конторе в субботу в полночь.

– В субботу в полночь, – повторил Мирон. – Как романтично!

– Деловая встреча, – поправил его Харон и отключился.

Милочку Мирон застал все на той же скамейке под липой. Она курила с задумчивым видом, смотрела прямо перед собой, но, кажется, ничего не видела.

– Я договорился. – Мирон присел рядом.

– Это очень хорошо, – сказала Милочка, не глядя в его сторону.

А вот он смотрел во все глаза, изучал неожиданно красивый Милочкин профиль, неожиданно длинную шею и короткий ежик волос. Все-таки в ней что-то было, что-то, что не давало мужчинам пройти мимо. То есть, сам бы Мирон прошел, но большинство замедлило бы шаг.

– Что? – спросила Милочка, и уголки ее ярко-накрашенных губ чуть дернулись в легкой усмешке. Так может улыбаться только уверенная в себе женщина.

– Он ждет вас в эту субботу в полночь, – сказал Мирон, подбирая с земли прутик. – Как вам такое расписание, Людмила Васильевна?

– Меня устраивает.

– Но вы должны понимать, что он несколько... – Мирон замолчал, подбирая правильные слова.

– Особенный?

– Я бы сказал, странный, но пусть будет особенный. Я просто хочу сказать, что не нужно ожидать от него обычной реакции.

– Мирон Сергеевич, я, по-вашему, похожа на женщину, которой хочется обычной реакции?

– Мне трудно сказать, я вас плохо знаю.

– Вы знаете меня достаточно, чтобы не предполагать всякие глупости. – Милочка встала со скамейки, зашвырнула недокуренную сигарету в урну, а потом сверху вниз посмотрела на Мирона: – И я, кажется, теперь тоже кое-что про вас понимаю.

Наверное, она ожидала, что Мирон спросит, что именно она понимает, но Мирон спросил о другом.

– Наш договор в силе?

– Разумеется. Я хозяйка своему слову. Спасибо, Мирон Сергеевич, – сказала она вдруг, и Мирон аж поперхнулся от неожиданности.

– И вам, Людмила Васильевна, – сказал он, а потом добавил: – За вызов светила.

– Эта девочка поразительно везучая. – Милочка одернула халат. – Сначала ваш друг подобрал ее на заброшенной дороге. Потом вы заподозрили аневризму и настояли на по-

вторном обследовании. Потом Вышегородцев ее прооперировал. Что это, как не чертовское везение?

– Я не знаю. – Мирон покачал головой. – Мне кажется, везение – это когда ты не села пьяная на байк и не попала в аварию, чтобы тебя потом подбирали, обследовали и оперировали.

– Вы сейчас говорите о здравомыслии, а не о везении. – Милочка усмехнулась, а потом спросила: – Какой алкоголь предпочитает господин Харон?

– Я бы не советовал. – Мирон тоже встал со скамейки.

– У него аутичное расстройство, я ведь правильно понимаю?

– В какой-то мере.

– Но он достаточно социализирован, чтобы заниматься таким серьезным бизнесом.

– Он любит свое дело.

– Хорошо. – Милочка кивнула каким-то своим мыслям. – Приятно было поболтать, Мирон Сергеевич.

Дождаться ответа она не стала, направилась ко входу в приемный покой. Мирон постоял несколько секунд в нерешительности, а потом двинул следом. Его смена закончилась, но перед уходом захотелось посмотреть, как там Джейн.

Джейн пребывала все в том же вегетативном состоянии. Чуда не случилось. Мирон надеялся, что пока не случилось. Все жизненные показания Джейн были приемлемыми. По крайней мере пока ее жизни ничто не угрожало.

Глава 7

Домой Мирон добирался по пробкам. Вот кажется, провинциальный городок, а пробки тут как тут! Конечно, не такие масштабные, как в столице, но тоже весьма раздражающие. Стоя в пробке, он позвонил Ба, сообщил, что едет с дежурства домой, обещал навеситить в ближайшие дни.

Ба все никак не могла смириться с желанием Мирона жить отдельно. Ей было скучно одной в большом и гулком доме, родовом гнезде, как она его называла. Гнездо построил еще бабулин отец. Сначала сам спроектировал, а потом сам же и построил. Прадед, по словам Ба, был парень хоть куда. Уважаемый в городе архитектор, столп местного общества, весельчак и балагур. Ба любила про него рассказывать, а маленький Мирон любил слушать. Рассказы Ба получались интересные и увлекательные. Куда увлекательнее, чем обычные сказки. И фотографии в старом семейном альбоме Мирону нравилось рассматривать. На этих фотографиях прадед в любом, даже молодом возрасте выглядел солидно. Возможно, причиной тому были его совершенно седые волосы. А возможно, взгляд. Взгляд у прадеда был пронзительный. Как будто он видел то, что другим не дано. По крайней мере, маленькому Мирону так казалось. Однажды он даже спросил у Ба, что у прадеда с глазами, почему он смотрит не на Мирона, а сквозь него. Ба тогда удивилась и, кажется, испугалась,

принялась допытываться, с чего это Мироша такое удумал. А Мироша не удумал, он просто видел.

Сколько ему тогда было? Лет пять? В таком возрасте дети – те еще фантазеры и придумщики. В таком возрасте им и самим видится всякое. Ему тоже что-то виделось в далеком детстве. Виделось, а потом забылось, осталось лишь щекотное чувство в районе солнечного сплетения да невероятно яркие сны, которые он тоже забывал, стоило только открыть утром глаза. Ба называла это щекотное чувство интуицией. Рассказывала, что у прадеда тоже была интуиция, и Мирон ее от него унаследовал.

Про интуицию было особенно интересно, в детстве само это слово казалось Мирону подозрительно-загадочным, сказочным. Оказалось, ничего сказочного. Оказалось, что интуиция – это то самое щекотное чувство в солнечном сплетении, когда ты, трехлетний, закатываешь родителям страшную истерику, до синевы, до удушья, и те оставляют тебя с Ба, а сами уезжают в гости без тебя. А ты, трехлетний, хотел совсем другого, ты хотел, чтобы они тоже остались. Хотел, но не сумел объяснить, и они уехали. Уехали и попали в аварию. Смертельную аварию...

Вот это в понимании Мирона называлось интуицией. Вот этого щекотного чувства он боялся, как огня, несмотря на то, что иногда оно было предвестником и хороших событий. Первый раз это был конструктор «Лего» в огромной коробке, который Ба получила на работе по какому-то культурно-

му обмену. Ба много лет возглавляла городской музей, прекрасно владела английским и немецким, вела переписку с иностранцами и пустившими корни за границей эмигрантами. У Ба тоже был свой талант: она умела общаться и рассказывать интересные истории. Наверное, именно за это ее любили и ценили. Как свои, так и пришлые. Пришлых в их большом и гулком доме всегда было много. Ба называла их друзьями по культурному обмену. Сам Мирон в тринадцать лет тоже слетал в Лондон по культурному обмену. Пожалуй, это был первый и единственный раз, когда Ба воспользовалась своим служебным положением. Первый, если не считать конструктор.

Тогда Мирон уже с самого утра знал, что что-то случится. Знал по вот этой щекотке, от которой никак не избавиться, которая исчезнет сама, как только свершится то, что она предвещает. Тем вечером случилось чудо в виде огромной коробки с конструктором «Лего». А в шестнадцать лет случилось еще одно чудо в виде новенького компьютера, который Ба подарила ему просто так, безо всякого повода. И неизвестно, чему Мирон в тот момент обрадовался больше: компу или тому, что предчувствие закончилось не болью, а радостью.

Дальше бывало по-всякому, на какой-то довольно длительный период все устаканилось. Никаких тебе интуиций, никаких щекоток в солнечном сплетении. Так было до тех пор, пока Мирон не начал работать. Работа все изменила,

вернула давно забытые чувства, научила прислушиваться к тому, от чего раньше хотелось отмахнуться. Теперь это называлось по-научному красиво – клинической интуицией и здорово помогало Миرونу в работе. Вот, например, как в случае с Джейн Доу. Кто мог предположить наличие у молодой девчонки помимо субдуральной гематомы еще и разорвавшуюся аневризму? Мирон и сам не сразу предположил, но стоило только приблизиться к ее койке, как в солнечное сплетение словно бы впивались невидимые коготки. Отчасти именно это чувство и стало причиной заключенной с Милочкой сделки. Мирон заключил сделку и в итоге оказался прав. Возможно, сегодня днем светило отечественной нейрохирургии спас Джейн жизнь. Светило спас, но неладное заподозрил именно он – Мирон. Можно было с чистой совестью расслабиться, завалиться на диван с бокалом вискаря, врубить какой-нибудь боевичок. Хоть какое-то время побыть простым обывателем.

Вместо этого Мирон отправился в спортклуб. Пару часов тренировок обеспечат его куда большей дозой эндорфинов, чем бокал вискаря. Да и форму не хотелось терять. Своей формой Мирон гордился и старался поддерживать ее по мере сил. С двенадцати лет старался, с тех самым пор, как Харон привел его в спортклуб, затолкнул в полуподвальное помещение и сказал, всматриваясь в клубящийся в дальнем углу полумрак:

– Савик, возьми этого мальчика и сделай из него мужчину.

– Здравствуй, Харон. – Из полумрака под свет единственной на все помещение лампочки тогда вышел невысокий, жилистый мужчина.

Он уставился на поникшего, перепачканного в земле и крови Мирона черными, как уголья, глазами, нахмурил кустистые брови, вздохнул.

– Поздновато из него делать мужчину, Харон, – сказал, продолжая разглядывать Мирона.

Он разглядывал, а Мирону хотелось провалиться сквозь землю. Или убежать из этого неуютного, даже опасного места. Не провалился и не убежал, сжал кулаки, стиснул зубы, выдержал взгляд.

– Или не поздновато, – Савик усмехнулся каким-то своим мыслям. – Где ты его нашел?

– За кладбищем, – ответил Харон. Тогда для Мирона он тоже еще был незнакомцем.

– И что он делал за кладбищем? – спросил Савик.

– Отбивался от своры. – Харон тоже посмотрел на Мирона. Посмотрел задумчиво и оценивающе, словно сомневался, а стоило ли вообще тащить его в этот подвал.

– Собачьей своры?

– Человечьей, Савик.

На самом деле Мирон не назвал бы тех четверых людьми. Нет, формально они были человеками: две руки, две ноги, голова. На этом все. Больше ничего человеческого. Ведь нельзя же назвать человеческим желание унижить и уничто-

жить того, кто младше и слабее. Просто так уничтожить – от скуки и потому, что появилась такая чудесная возможность, такая чудесная жертва в лице домашнего, чистенького, аккуратненького пацанчика, который не разбирается ни в жизни, ни в людях. Нет, интуитивно, уже тогда Мирон понял, что попал. По той самой колючей щекотке, что родилась в районе солнечного сплетения, по сбившемуся дыханию. А потом один из четверых, длинный, наголо бритый, дурно-пахнущий парень, попросил у Мирона закурить. С таким же успехом можно было попросить у него луну с неба. Откуда у домашнего, чистенького и аккуратненького пацанчика сигареты? Беда была в том, что долговязый прекрасно это понимал. Беда была в том, что долговязому хотелось выместить свое дурное настроение на том, кто слабее и не сможет ответить.

Он ударил Мирона без предупреждения, врезал кулаком по лицу. Мирон не сразу почувствовал боль, просто в носу захлюпало и по верхней губе потекло что-то горячее и соленое на вкус. Его никогда не били. Не было в его чистеньком и аккуратном мире ничего подобного, но, наверное, в генетической, древней, как сама земля, памяти сохранилось что-то первобытно-звериное. Беги или нападай!

Мирон попробовал убежать, а когда ему не дали, поймали за шиворот, швырнули в грязь, решил нападать. У него была решимость, генетическая память и медленно вскипающая ярость. Чего у него не было, так это сил и опыта. Его били,

он рычал и отбивался. Сначала голыми руками, потом подобранной с земли палкой. Отбивался почти вслепую, потому что глаза заливало что-то густое и соленое. Ориентироваться приходилось лишь на издевательский смех врагов и бесконечные тычки. Все силы уходили на то, чтобы удержаться на ногах, потому что все та же генетическая память подсказывала – пока он стоит, его бьют, но стоит ему упасть, его убьют. Просто так, от нечего делать, из-за пьяного куража и чувства вседозволенности. И Мирон стоял. Сколько мог.

Один против четверых. Любой скажет, что силы неравны, хоть с генетической памятью, хоть без нее. И Мирон упал, ткнулся окровавленным лицом в рыжую глину. Ткнулся и едва не задохнулся, потом что на спину ему запрыгнули, потому что на затылок ему надавили. И все это с диким, нечеловеческим совершенно хохотом, с забористым матерком. Вот так он и должен был умереть: задохнуться в кладбищенской грязи под маты и пьяный смех.

Он бы и умер, потому что сил на сопротивление не осталось совсем. И сил не осталось, и воздуха в огнем горящих легких. Он бы умер, но вдруг случилось чудо. Чудо выглядело, как некрасивый, длинный и лысый мужчина в дорогом пальто и сияющих туфлях. Туфли Мирон увидел первым делом, потому что они были как раз в поле его зрения. Туфли и стальной наконечник черной трости. В том своем состоянии Мирон больше слышал, чем видел. А слышал он странное: сначала все тот же хохот и состоящие из одних лишь

матов крики. Эти четверо угрожали мужчине, предлагали не мешать и свалить по-хорошему. Но Мирон понимал, что по-хорошему уже не получится, что теперь у его мучителей стало на одну жертву больше. Двойная забава. Мужчина что-то ответил, но так тихо, что Мирон ничего не расслышал. Воспользовавшись временной передышкой, он встал на колени и принялся торопливо стирать с лица грязь и кровь. Он хотел видеть.

Не успел. Мужчина с тростью действовал слишком быстро. Или это его трость действовала, потому что Мирон слышал свист рассекаемого ею воздуха, глухие удары, сухой хруст и вопли боли. Тишина наступила, когда Мирон окончательно обрел способность видеть.

Его мучители корчились в грязи, а его спаситель стоял неподвижно, опираясь на свою трость, скрестив длинные пальцы на набалдашнике в виде черепа. Мирона тогда поразила не набалдашник и не эта расслабленная поза, и даже не та скорость, с которой была одержана победа. Его поразили туфли незнакомца. Они были по-прежнему чистыми, носки их сияли зеркальным блеском. Наверное, Мирон даже мог бы увидеть в них свое жалкое отражение.

– Сам встанешь? – спросил мужчина.

Мирон молча встал, покачнулся, но на ногах все-таки устоял. Мужчина не сделал попытки ему помочь. Наверно, не хотел испачкать свое дорогое пальто. Он осматривал Мирона своим стылмым, как у покойника, взглядом и о чем-то

думал.

– Спасибо, – прохрипел Мирон. Он был воспитанным мальчишкой, даже в критической ситуации не забывал про вежливость.

– Что ты им сделал? – Мужчина дернул подбородком в сторону поверженных врагов.

– Я? Ничего.

– Почему не убежал?

– Я пытался.

– И?

– Не получилось.

– Почему не сопротивлялся?

– Я пытался.

– И?

– Не получилось.

Захотелось расплакаться от боли, злости и обиды. Мирон закусил разбитую в кровь губу.

– Плохо, – сказал мужчина.

– Куда уж хуже, – согласился с ним Мирон.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Наверное, это тоже была какая-то схватка. Не на физическом уровне – на ментальном. Наверное, схватка эта закончилась ничьей, победить в ней Мирон точно не мог, но и не проиграл, потому что мужчина кивнул и вдруг спросил:

– Хочешь, чтобы получалось?

И Мирон, не задумываясь, ответил, что хочет. Уже гораз-

до позже он услышал крылатую фразу про доброе слово и пистолет, но уже тогда, в неполные тринадцать лет, ясно осознал, что против тварей и нелюдей одного лишь доброго слова недостаточно.

– Я Харон, – сказал мужчина.

– Это ваше имя? – спросил Мирон, рукавом куртки вытирая с лица кровавую юшку.

– Это моя суть, – сказал мужчина, протягивая ему белоснежный носовой платок.

– Я его испорчу. – Мирон брать платок не спешил.

– У меня есть запасной. Как тебя зовут?

– Мирон. Это мое имя.

– Ясно. До сути ты пока не дорос.

Только сейчас Мирон понял, что еще странное в этом человеке. Разумеется, кроме полного отсутствия волос, бровей и ресниц. Станным было его лицо, полностью лишенное эмоций. Это потом, много лет спустя, он научился читать по лицу Харона, а тогда открытие это казалось ему не просто странным, а даже диким.

– Пойдем. – Не дожидаясь и не оглядываясь, Харон шагнул на поросшую мхом каменную дорожку, оставляя за своей спиной старые надгробия, поверженных врагов и растерянного двенадцатилетнего мальчишку.

Мирон догнал его уже на выходе из кладбища и дальше всю дорогу до ютящегося в подвале спортивного клуба держался позади, но не отставал. И в подвал спустился покорно,

хотя Ба всегда учила его опасаться незнакомцев.

И вот теперь он стоит в подвале под тусклым светом гол-лой лампы сразу с двумя незнакомцами. И по виду это очень опасные незнакомцы. По крайней мере, один из них. Тот, что с тростью. Он стоит, а они разглядывают его, как какого-то зверька: внимательно, но почти без любопытства.

– Ты знаешь, куда попал, мальчик? – спросил его наконец Савик.

Мирон мотнул головой и тут же поморщился от боли и гула в ушах.

– Легкое сотрясение, – сказал Харон, ни к кому не обра-щаясь.

– Ты попал в спортивный клуб по айкидо, мальчик. Ты знаешь, что такое айкидо?

– Я узнаю, – пообещал Мирон, не столько этим двоим, сколько самому себе.

– Будет толк. – Савик кивнул, а потом добавил: – Я твой тренер, меня зовут Савик Мусаилович. Тренировки три раза в неделю, плюс выходные по желанию. Когда ему начинать? – Он посмотрел на Харона.

– Завтра, – ответил тот.

– Ты сказал, что у него сотрясение.

– Он справится.

– Хорошо. – Савик Мусаилович кивнул. – Не буду сразу давать полную нагрузку. Ты сейчас куда? – он перевел взгляд на Мирона.

– Домой.

– Мама не обрадуется такому твоему виду.

– Мама нет. – Он уже почти привык, что нет ни мамы, ни папы, почти перестал чувствовать вину за их смерть.

– А кто есть?

– Ба. Бабушка.

– Бабушка еще больше не обрадуется. – Савик Мусаилович кивнул в сторону неприметной двери. – Там раздевалка и умывальник. Иди приведи себя в порядок.

В раздевалке с двумя рядами выкрашенных ядовито-зеленой краской железных шкафов так сильно пахло потом, что у Мирона заслезились глаза. Он прошел к умывальнику, посмотрел на свое отражение в висящем над ним зеркалом и понял, что привести себя в порядок не получится. Нос распух и почти не дышал, один глаз заплыл, а бровь рассекала все еще кровоточащая рана. Куртка в грязи, джинсы порваны, и в дыру выглядывает разбитая в кровь коленка. Мирон криво усмехнулся своему отражению, решил, что не пропустит ни одной тренировки у Савика Мусаиловича, и принялся смывать с лица кровь и грязь.

И данное однажды самому себе слово Мирон сдержал. До самого поступления в институт он посещал все тренировки в клубе. Сначала ему было тяжело. Сначала у него ничего не получалось и было стыдно перед остальными пацанами. Эти пацаны были сильнее, ловчее и опытнее. Этим они походили на тех четверых. Но эти пацаны никогда не издевались над

Миросом. Полгода Мирон мучился и считал себя слабаком, а потом у него вдруг начало получаться. И силы откуда-то взялись, и ловкость, и спортивная хитрость. И в планке он теперь стоял по несколько минут, и отжаться мог, играючи, и подтянуться на турнике. И на соревнования его Савик Мусаилович начал выставлять. Сначала на городские, потом уже и на областные. И до черного пояса он дорос к семнадцати годам. Дорос до черного пояса и понимания того, как сильно ему повезло, что пять лет назад он повстречал Харона и Савика Мусаиловича.

Харон тоже приходил в подвал тренироваться, но делал это тогда, когда в клубе не было никого, кроме Савика. Не любил общество, презирал зрителей. Мирон лишь однажды стал свидетелем этой тренировки. Они оба ему позволили остаться: и Савик Мусаилович, и Харон. Это было знаком наивысшего доверия, зачислением в когорту избранных. По крайней мере, Мирону тогда так показалось.

А еще ему преподали урок того, как вести бой без боя. В схватке Савика с Хароном не было и не могло быть победителя. Постороннему, непосвященному человеку вообще показалось бы, что нет никакого боя, что все это сплошная ерунда и бальные танцы. Про бальные танцы Мирону однажды сказал его одноклассник Женек Степушёнок.

Женек занимался боксом. Вот это был спорт! Вот это была сила! Разумеется, в понимании Женька. Остальное, всякие там айкидо, не укладывалось в его картину мира, а то,

что не укладывалось, Женьку хотелось низвергнуть или хотя бы поломать. Мирон долго терпел насмешки и подначивания, избегал прямых столкновений, не лез на рожон. В общем, делал все, как учил Савик Мусаилович. Терпеть и уклоняться с каждым разом становилось все тяжелее.

– Непротивление злом насилию, – сказал Харон, когда Мирон решил поделиться с ним своей проблемой.

Вообще-то, он старался ничем таким не делиться, но... накалило. К тому времени их отношения с Хароном перешли на новый уровень. Мирон пока не понимал, можно ли называть их дружбой, но очень на это надеялся. Один тот факт, что Харон велел обращаться к нему на «ты», обнадеживал.

– Замучился сопротивляться. – Мирон помотал головой. – Он называет айкидо балетом. Представляешь?

– И лезет на рожон? – Харон посмотрел на него тусклым, лишенным всякого интереса взглядом.

– Еще как лезет. – Мирон кивнул.

– Ну так сделай ему приятное, прими вызов.

– А как же непротивление злом насилию?

– А у него получится причинить насилие?

– Нет, – ответил Мирон, не задумываясь.

– Ну, тогда не вижу моральной дилеммы.

Вообще-то, самого понятия «моральная дилемма» для Харона не существовало. Он не ставил себя над обществом, но он, однозначно, был вне общества. Наверное, поэтому так

упорно отказывался жить по его законам.

– Савик Мусаилович не одобрит.

– Савику Мусаиловичу совсем не обязательно знать обо всех твоих жизненных перипетиях. Я сегодня в одиннадцать вечера приду в клуб. Могу поучить тебя разумному непротивлению.

Вот это было настоящее чудо! Одно дело – наблюдать за тренировкой Харона и совсем другое – стать его спарринг-партнером!

– Я приду, – сказал Мирон, изо всех сил стараясь, чтобы Харон не заметил его радости. В то время, ему хотелось быть похожим одновременно и на Савика Мусаиловича, и на Харона. В то время проявление эмоций казалось ему слабостью.

И Харон той же ночью показал ему, как нужно «непротивляться» в случае с Женьком и подобными ему персонажами. И той же ночью Харон дал ему свое благословение на чуть более активное «непротивление».

С Женьком Мирон разобрался на заднем дворе школы спустя несколько дней после той тренировки. Разобрался без свидетелей, тихо и почти ласково уложив его лицом в песок, не сломав ни единой косточки, не оставив ни единого кровоподтека. Женек не поверил. Даже лежа мордой в землю, он продолжал считать случившееся случайностью. Пришлось повторить. Сначала один раз, потом второй и третий. На четвертый раз под одобрительное улюлюкание невесть откуда

взявшихся одноклассников Женек признал, что «непротивление» куда эффективнее грубой силы, и пообещал оставить наконец Мирона в покое.

Он оставил, но ненадолго. Ровно через месяц попросил, чтобы Мирон взял его с собой в спортклуб, познакомил с тренером. Мирон и взял, и познакомил, хотя прекрасно понимал, что скажет про Женька Савик Мусаилович. А скажет он, что парню поздновато ступать на этот путь. Но так же Мирон прекрасно понимал, что если парень решит вступить на него вопреки всему, Савик Мусаилович не откажется его тренировать. Но Женек не решился, остался в боксе. С тех пор их отношения с Мироном ограничивались лишь приветствиями и многозначительными взглядами. В каждом таком взгляде читалось острое желание взять реванш, доказать, что бокс круче, чем балет. На реванш Женек тоже так и не решился. Наверное, здравого смысла в нем было все-таки больше, чем уязвленного самолюбия.

Спорт-клуб находился все в том же полуподвальном помещении, что и десять лет назад. Савику Мусаиловичу нравился его подвал. Единственное, чего смогли добиться его уже повзрослевшие подопечные, это того, чтобы сделать в клубе нормальный ремонт, установить душевые кабины, хороший свет и хорошую вентиляцию. Делать все это пришлось быстро, за месяц, который тренер провел на своей родине. К ремонту подключились почти все: кто-то личным участием, кто-то финансами. Даже Харон внес свой посиль-

ный вклад. Разумеется, исключительно денежный. Представить его с малярным валиком в руке Мирон не сумел бы даже при очень большом желании.

Как бы то ни было, а после возвращения с родины Савика Мусаиловича ждал сюрприз. Конечно, он ворчал и требовал «вернуть все, как было», но по глазам его было видно, что произошедшие с подвалом перемены его радовали. В конце концов, делалось все это не для него лично, а для его воспитанников, простых пацанов, решивших променять уличные бои на «непротивление злу насилием».

Мирон запарковал машину на небольшой, специально для клуба отведенной автостоянке, спустился в подвал. Савик Мусаилович ожидаемо был на своем боевом посту. Только пост этот теперь не скрывался за мутным сумраком, а был ярко освещен светодиодными лампами. Вошедшему Мирону он приветственно помахал рукой, мол, работай сам, я пока занят. Второй рукой он прижимал к уху допотопный смартфон и что-то сердито в него говорил.

Мирону работать самому было не впервой, сегодня ему хотелось только «физиухи», поэтому помахав тренеру в ответ, он сразу же направился в зал с «железом». Зал был оснащен всем самым необходимым, и народная тропа к нему не зарастала, всегда находились желающие заняться «физиухой».

Двухчасовая тренировка согнала с Мирона семь потов, оставила в мышцах приятную боль, а в голове приятную легкость. Домой он явился в состоянии, близком к расслаблен-

ному. На диване полежать все еще хотелось, но уже точно без бокала вискаря. Приняв душ и приготовив себе легкий ужин, Мирон позвонил в отделение. Состояние Джейн было без изменений, девчонка не жила и не умирала. Можно было бы еще позвонить Харону, напомнить о данном Милочке обещании, но Мирон не стал. Харону не нужно было напоминать дважды, память у него была отменная. Вместо этого Мирон еще раз позвонил Ба, заверил ее, что у него все хорошо, что питается он нормально, кофе литрами не пьет и в ближайшее время непременно заскочит к ней с визитом. Уж неизвестно, убедили ли его слова Ба, но спать он пошел с чувством выполненного долга.

Глава 8

Засыпал Мирон всегда легко, вот и на сей раз провалился в сон, как в кроличью дыру. Летел-летел, парил в темноте, как в невесомости, а потом приземлился на заброшенной лесной дороге, пружинно шагнул на обочину обутыми в тяжелые берцы ногами, поднимая в воздух пыльное облачко.

Несмотря на вечер, дневной зной никуда не делся, и шкура под «косухой» прела и зудела. Руки в кожаных перчатках тоже потели, но перетерпеть весь этот легкий дискомфорт он мог запросто. Дискомфорт закончится, как только дело будет сделано. А значит, нужно поторопиться.

Тело лежало на засыпанном гравием откосе, рядом с завалившимся на бок байком. Теперь дело за малым – убедиться, что тело не подает признаков жизни и избавиться от следов.

Она не надела шлем. Не надела шлем, села пьяная за руль. Безмозглая, мажористая сука. Теперь уже точно безмозглая после такого падения. Он присел на корточки перед неестественно вывернутым кукольным телом, мазнул взглядом по расплывающейся под белобрысым затылком кровавой луже, удовлетворенно кивнул. Пациент скорее мертв, чем жив. Чтобы убедиться в этом окончательно, нужно проверить пульс. Но он не станет. Он достаточно осторожен, чтобы не оставлять на теле биологических следов. И он достаточно ловок, чтобы закончить начатое. Если начатое во-

обще нуждается в завершении.

Гравийный откос переходил в поросший кустами и деревьями склон глубокого оврага. Настолько глубокого, что рассмотреть его дно отсюда, с дороги, не представлялось никакой возможности. Он снова удовлетворенно кивнул. Ему нравилось это дело. Беспроblemное. Бесхлопотное.

Первым делом он поднял с земли почти не пострадавший после столкновения байк. Байк был в меру хороший и в меру дорогой. Байк было жаль куда сильнее, чем его безмозглую хозяйку, но дело нужно было довести до конца.

Легкого толчка хватило, чтобы железный конь покати́лся по склону. Сначала это было медленное скольжение, которое очень быстро превратилось в неконтролируемое падение. Байк врезался в старую сосну, кувыркнулся в воздухе и ушел вправо, оставляя за собой след из пыли и ключев вырванной из земли травы. О том, что байк достиг дна оврага, он понял по гулкому уханью. Оставалось решить вопрос с девчонкой.

Она была легкой, несмотря на всю свою экипировку. Он ухватил ее за ворот куртки, рывком оторвал от земли, не забываясь о том, что может причинить боль или убить этим резким движением. Он здесь как раз для того: чтобы причинять боль и убивать. И то, и другое нравилось ему в равной мере.

Волоча девчонку за шиворот, он спустился по откосу, посмотрел вниз. Там, где-то в густых зарослях нашел свое последнее пристанище байк. С затылка девчонки на землю ка-

пала кровь, и он с брезгливостью подумал, что мог испачкаться. Вслед за брезгливостью пришло нетерпение. С делом нужно было кончать, пока нет свидетелей. Успокаивать себя тем, что дорога заброшена, он не стал, вместо этого покрепче уперся пятками в склон и швырнул девчонку вниз. На какое-то мгновение ее безвольное тело застыло, а потом кубарем покатило по склону. Падение закончилось ударом о старый дуб, гулким, не оставляющим никакой надежды ей и никаких сомнений ему. Но он все равно спустился вниз, присел на корточки рядом с телом, присмотрелся, пытаюсь засечь даже самое легкое движение грудной клетки, пытаюсь уловить колебание воздуха у ее губ. Пустая затея! Дело сделано, девчонка мертва. На всякий случай он оттянул верхнее веко, всмотрелся в огромный, на всю радужку зрачок. В этом зрачке он увидел свое отражение. По крайней мере, ему так показалось. Этот зрачок не оставлял места сомнениям. У трупов не бывает узких зрачков. У живых зрачки реагируют на свет. У этой мертвой и поломанной девчонки зрачок оставался по-кукольному широким, словно нарисованным. Можно было уходить. Подняться по склону, запрыгнуть в свой джип и навсегда свалить из этого убогого городишки, но дело не считается сделанным до конца, если остаются следы.

Он обшарил карманы трупа, вытащил документы, мобильный телефон и клочок бумаги. На клочке этом не было ничего, кроме наполовину стершегося рисунка – ни фа-

милый, ни телефонных номеров. Бесплезная для опознания вещь, которую он зашвырнул в ближайший куст. Ниже по склону лежал обезображенный падением байк, из пробитого бака вытекал бензин. Ударом ботинка он сбил номерной знак и сунул его за пазуху. Никто не заставлял его быть столь скрупулезным, но он привык выполнять свою работу качественно. Какой бы она не была. И не любил оставлять следов. Нет, не так! Он никогда не оставлял следов!

Порывшись в карманах куртки, он вытащил зажигалку, стащил перчатку с правой руки, высек огонь и, отступив вверх по склону, бросил зажигалку в мокрую от вытекшего бензина моховую кочку. Бензин занялся мгновенно. В два счета сожрав кочку, он перекинулся на железный остов байка, лизнул крашенный бок, оплавил наклейку с VIN-кодом, потянулся к покрышкам. Завоняло. Столб дыма попытался прорваться к небу, но запутался в густых ветвях.

Вот теперь можно уезжать. Риск, что огонь перекинется с байка на деревья, невысок. Это там, на гравийной дороге – пыль и жар, а тут, на дне оврага, вечный сумрак и сырость. А даже если и перекинется! К тому времени, когда сюда доберутся пожарные, он уже будет очень далеко. А тело... Ну что тело? Ни документов, ни номеров на мотоцикле. Кто станет копать и разбираться с тем, что тут на самом деле произошло? Спишут все на обычное ДТП с летальным исходом. Неопознанная девица села за руль пьяной – это на случай по- смертной токсикологической экспертизы, – превысила ско-

рость и вместе с мотоциклом слетела в овраг. Как и отчего произошло возгорание, ментов особо волновать не будет, у них и без этого проблем хватает. Какое-то время неопознанное и бесхозное тело полежит в местном морге, а потом его закопают, пометив место захоронения безликой табличкой с номером.

Это был один из возможных сценариев. Этот сценарий предполагал, что тело найдут в ближайшее время. Например, в результате тушения пожара. Был и другой вариант, куда более вероятный. Огонь скоро погаснет, не перекинувшись на деревья. Он уже и так начинает захлебываться от сырости и от того, что выжрал весь пролившийся бензин. Еще каких-то десять – двадцать минут, и все закончится. Пожар погаснет сам собой, а тело никто не найдет.

Да и с чего бы кому-то его искать в этом богом забытом месте? Аварийная, заброшенная дорога, по которой почти никто больше не ездит. А даже если ездит, то уж точно не выходит на обочину, чтобы посмотреть вниз. Тело может пролежать там месяцы, если не годы. Неприкаянное, никому не нужное, никем ненайденное.

Он надел снятую на время перчатку и принялся взбираться по крутому склону. Уже оказавшись наверху, тщательно осмотрел свою одежду на предмет следов крови. Не было никаких следов, кроме тех, что остались в том месте, где затылок девчонки касался земли. На мгновение он задумался, будет ли заметно это кровавое пятно из машины, и решил,

что не будет. Вот теперь уже точно все, можно уезжать.

Уже включив зажигание, он зачем-то посмотрел в зеркало заднего вида. На дороге, на том самом месте, где всего несколько минут назад лежала девчонка, сидело нечто странное, неоформленное, своими нечеткими абрисами похожее на крупного зверя. И он поступил так, как не поступал никогда до этого: вместо того, чтобы выйти из машины и разобраться, он втопил в пол педаль газа. Мотор зарычал глухо и утробно. Или это был не мотор... Джип дернулся и накрепился, словно на крышу его приземлился, разрывая когтями обшивку, огромный птеродактиль. И он снова поступил так, как никогда не поступал до этого: забился в душном и замкнутом пространстве салона. Забился, закричал и вывалился из машины на гравийную дорогу, закрывая лицо и голову обтянутыми кожаными перчатками руками...

Он кричал и бился затылком об землю, отмахиваясь от кого-то невидимого, но смертельно опасного, выпутываясь из кошмара, как из липкого кокона, даже во сне пытаясь убедить себя, что все это не по-настоящему.

Он проснулся от собственного сдавленного крика и глухой боли в затылке. Проснулся не на кровати, а на полу, по самую шею запеленатый в душное, пропитавшееся потом одеяло. А из самого дальнего и самого темного угла комнаты на него смотрели два красных глаза. Это длилось считанные мгновения. Ровно столько понадобилось мозгу, чтобы пересечь границу между сном и явью. Не пересечь даже, а про-

рваться с боем. По крайней мере, Мирон так это ощущал, когда реальность наконец одержала верх над кошмаром. Никакой тебе гравийной дороги. Никаких чужих, даже чуждых мыслей. И самое главное, никакой красноглазой твари в углу!

Выпроставшись из одеяла, Мирон потянулся к настольной лампе. Через мгновение спальню залил мягкий оранжевый свет, не оставляющий надежды ни теням, ни прячущимся в них монстрам. В углу стоял стул с аккуратно сложенной на нем одеждой. Под стулом прятались тапки с оленями, подаренные Ба еще на прошлый новый год. У тапковых оленей были красные носы. Мирон не знал, святятся ли они в темноте, но цвет их не оставлял никаких сомнений в том, что послужило базой для его кошмара. Во-первых, духота, от которой сбивается дыхание. Во-вторых, одеяло, в которое он зачем-то закутался, ну и в-третьих, эти чертовы красноносые тапки, которые Мирон надевал, исключительно, когда к нему приходила Ба.

Табло электронных часов показывало двадцать минут пятого, но сон как рукой сняло. Сердце трепыхалось и билось о ребра так, словно он был не крепким молодым мужиком, а древним старцем. В горле пересохло, по спине стекала струйка пота. Мирон встал с пола, подобрал лежащее у ног одеяло и зашвырнул его обратно на кровать, прошлепал на кухню, включил кран с холодной водой и сунул под ледяную струю лицо. Он пил жадно и торопливо, как будто недавний

кошмар выжал из него все соки, оставив лишь иссушенную оболочку, а напившись, вернулся обратно в спальню и уселся на кровать.

У него и раньше бывали яркие и реалистичные сны. Особенно в детстве. Они приходили и уходили, оставляя после себя лишь тень воспоминаний. Но то, что он увидел этой ночью, было больше похоже на воспоминания, чем на обычный кошмар. Вот только не водилось у него таких воспоминаний! И Джейн он не пытался убить.

А кто пытался? Увиденное во сне не было похоже на непреднамеренное убийство с последующей попыткой сокрытия следов. Увиденное во сне было очень даже преднамеренным, холодным и расчетливым. И он сам во сне был холодным и расчетливым, лишенным души и каких бы то ни было эмоций. За грудиной, чуть повыше солнечного сплетения, заскреблось и зазудело. Это было совершенно ясное и совершенно конкретное чувство, намекающее на то, что увиденное не следует сбрасывать со счетов. Жаль только, что оно не давало никаких инструкций насчет того, что же ему следует делать. В полицию с предчувствиями не пойдешь, а ничего другого у него нет. Все имевшиеся в овраге следы смыло недавним ливнем. Да и какие следы, когда он был в перчатках? Нет, неправильная постановка вопроса! Не он, а человек, который пытался убить Джейн. Человек, который решил, что у него все получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.